

Евгений Баранов

НЕ УБОЮСЬ Я ЗЛА!

Частям особого назначения посвящается

Евгений Баранов

**Не убоюсь я зла! Частям особого
назначения посвящается**

«Издательские решения»

Баранов Е.

Не убоюсь я зла! Частям особого назначения посвящается /
Е. Баранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936622-1

«Мужики!» — Джон кричал, стараясь перекрыть грохот двигателя. «Нам придется вернуться». Его встретили недоуменные взгляды. «Почему?» — хрипло, с внезапно пересохшим горлом спросил Кир. «Я забыл там зубную щетку». Грохот, который показался пилоту взрывом ракеты в салоне, оказался хохотом, рука дрогнула, и машина качнулась в воздухе. Странные они какие-то, хохот этот дурацкий, сами чуть живы, а смотри-ка что. А они смеялись до слез, до колик в животе. Они снова живы, вместе и впереди целая жизнь.

ISBN 978-5-44-936622-1

© Баранов Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Не убоюсь я зла!

Частям особого назначения посвящается

Евгений Баранов

Отдельная благодарность за неоценимую помощь в написании повести Игорю Александровичу Комнатному

© Евгений Баранов, 2018

ISBN 978-5-4493-6622-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*«ЕСТЬ МНОГО ОБРАЗЦОВ ПОВЕДЕНИЯ,
КОГДА НАХОДИШЬСЯ В НОРМАЛЬНОМ
ОКРУЖЕНИИ, НО КОГДА ТЫ В ОДИНОЧЕСТВЕ,
ОПАСНОСТИ И ТЕМНОТЕ, ЕСТЬ ЛИШЬ
ОДИН ПУТЬ – ПУТЬ ВОИНА»*

ФЛОРИНДА МАТУС

Джон сидел на полу маленького и узкого железного каземата. Лампочка, забранная решеткой, тускло светила в углу над дверью. Он сидел на железном полу, привалившись спиной к стене, его ноги доставали едва ли не до середины более чем скромного помещения. Над головой торчали несколько рожков с рассекателями, на полу – дыра для водостока. Комната громко называлась душевой, а по совместительству – арестантской. Попал он сюда совершенно безвинно, по крайней мере, он так считал. Сейчас он хотел только три вещи – есть, пить и спать. Есть и пить было нечего, а вот спать он мог сколько влезет. Честно признаться, он удивился такому обороту вещей. События последнего времени изрядно выбили его из колеи, и теперь ему было уже все равно, что с ним будет дальше. Мысли все чаще возвращались к происшедшему. Да, встретили его достойно, проводили в каюту капитана этого могучего крейсера, с коего и прилетел летательный аппарат, учинили допрос по всей форме, но после короткого: «Уведите!» – заперли здесь. Чего Джон никак не ожидал. Хотя вообще то чего еще ждать: грязный, оборванный, обросший щетиной воин излагал довольно фантастические вещи. Конечно, им придется все перепроверить, а на это нужно время. Ладно, черт с ними, но покормить-то могли?! Постепенно Джон забылся в тяжелом сне и оказался снова там, откуда так недавно и счастливо вернулся. Снова в этом трижды проклятом месте...

Привычка иронично оценивать себя и происходящие с ним события со стороны, много раз помогала ему в жизни. И вот сейчас, вспомнив любимую поговорку бабушки: лучше потерять штаны, чем надежду, – он посмотрел на свои. Такие не грех потерять. За последние двое суток они здорово поистаскались, и сейчас через прорехи просвечивали худые, жилистые ноги, покрытые изрядным слоем грязи. Однако! Ближайший «обмывочный» пункт терялся в неопознанным будущем. Полфляги мутной, теплой жидкости, которую он называл в зависимости от времени суток то чаем, то кофе, а то и какао, можно было смело принять за грязную воду из лужи, коей, впрочем, она и являлась, но теперь-то, правда с изрядной долей антисептиков. Впрочем, о вкусах не спорят. Все равно, другого ничего не было. Впереди неизвестность... она для него была и с легкой долей ожидания чего-то хорошего, и с солидной долей пессимизма. Потому что знал: это хорошее ему не обломится. С тяжелым вздохом он поправил ремень АКМа и зашагал к ближайшим скалам, видневшимся километрах в двух-трех впереди. Природа здесь не баловала разнообразием: только мутно-сизые скалы, песок и чужая красноватая пыль, противно скрипевшая на зубах. Да, еще были чахлые колючие кусты, но их было совсем мало. Зато всего остального было, похоже, многовато. Но что делать? Средиземноморье – здесь всегда так. Ему, человеку с далекого севера, где снег лежит почти девять месяцев в году, эти излишки успели сильно надоесть, даже опротиветь, а потом просто осточертели за эти последние трое суток. Двое из них он провел в пути, притом, в гордом одиночестве. Так получилось.

Сейчас он был несказанно рад, что провожатые отстали. Это были далеко не те люди, которых было приятно видеть. Все-таки это щемящее чувство одиночества и тревоги не покидало его. Один... В такой далекой и чужой стране, среди чужих людей, мертвенно-серых гор, песка, и низких, холодных звезд. Все здесь чужое. И осознал он все это сейчас оттого, что в голове непрестанно вертелся этот дурацкий вопрос: «Какой черт его сюда занес и что было

ему здесь нужно?!» Раньше такие мысли как-то не приходили в голову. Хотя вот насчет черта-это зря. Все и так ясно, кто и зачем. А раз так, к чему мозги забивать всякой ерундой.

Вот, наконец, он набрел на долгожданную «прохладу», которой была тень серой скалы, да жидкий, чахлый кустик каких-то колючек. Испив «чаю» и растянувшись в «холодке», почувствовал себя почти счастливым. А вспомнив о заначенном «бычке» и выпустив густую струю дыма, ощутил себя абсолютно бессмертным. Часа два спустя, шагая вдоль вьющейся в пыли дороги, он заметил «джип». И хотя машина была метров за пятьсот, бежать было поздно, да, впрочем, и некуда. С одной стороны – скала, с другой – пологий склон, переходящий в низину. Укрыться негде. Не сбавляя шага, он передернул затвор и загнал патрон в патронник. Задвинул автомат за спину, чтобы спереди его не было видно, или хотя бы, не бросался в глаза. «Джип» остановился метрах в десяти от него, и после гортанного окрика, он поднял голову. На него смотрело шесть стволов. Водитель сидел спокойно, его руки были видны на баранке. Рядом сидел человек, одетый в такую же черную форму, как и у всех, но в отличие от их беретов, на голове у него-черная чалма. Красивая, окладистая черная борода, пронзительные голубые глаза и ствол пистолета дополняли композицию. Тот, в чалме, снова что-то гортанно крикнул и показал стволом пистолета вверх. Жест не нуждался в переводе. Согласно закивав головой и произнося все иностранные слова, какие знал или слышал, не заботясь о том, чтобы сидящие в машине его поняли, Джон сделал два, как бы, неуверенных шага вперед и вправо, перекрывая четырем солдатам в машине сектор стрельбы. Теперь их от него отделяла голова водителя и солнце, ярко светившее им прямо в глаза. Одновременно передвинул из-за спины АКМ, нажал на крючок. Выстрелить в ответ успел только тот, в чалме. Немного левее было бы, конечно, более эффективно, а так -здоровенная ссадина над ухом. Правда, здорово кровит. Теплые, брызжущие струйки крови падали в пыль, сбегали по шее, заливали воротник куртки, и стекая по спине попадали на многострадальные штаны. На мгновение он вроде как потерялся. Очнулся-чегой-то я сижу? Может автобус попутный жду? Впрочем с целым автобусом этих гавриков ему точно не справиться. Здесь ему помогла неожиданность и нахальство, да еще везение. Найдя у «земляков» перевязочный пакет-наскоро перевязался. Получилось, как в песне: голова обвязана, кровь на рукаве. Что он теперь имел: машина на ходу, воды целая канистра, в бардачке пачка сухих галет. Только вот для чего он оставил в машине офицера, выкинув его приятелей на дорогу, сказать, наверное никто не смог бы. Может, чтобы веселее было, а может его документы с обилием печатей и вензелей заставили уважать их хозяина. Понять что-либо из этой арабской вязи он не мог. Но все-таки, решил прихватить с собой, авось пригодятся. Вскоре дорога привела «джип» в узкий каньон, с обеих сторон которого торчали скалы и узкая горловина входа-выхода. Смеркалось. Памятуя о том, что ночь здесь наступает мгновенно, решил переночевать поближе к вершине, блаженствуя в обилии чистой воды, галет и терпких вонючих сигарет. Засыпал под низкими, близкими звездами, под аккомпанемент тишины. Перед глазами мелькали какие-то вспышки, песок, горы, горячий воздух. Потом приснилось красное, небритое лицо комбата и их батальон, медленно втягивающийся в узкий каньон. Близкие грохочущие, оглушающие очереди почти в упор. Оседающий на землю, в десяти метрах от него, комбат, с разорванной грудной клеткой, выкашливающий какие-то последние команды. И снова скалы, их семеро пропыленных и усталых. Вертолет, пыль, дрожащий и прыгающий в руках пулемет; удаляющийся, затихающий шум винтов. Потом приснился дед. Высокий, седой с седой же бородой. Вспомнились его слова, когда Джон, еще пацан, пытался выстругать кораблик его большим охотничьим ножом. Тогда он сильно порезался и со злостью отбросил нож в сторону. Дед сказал что не бывает опасных предметов, бывают опасными люди, которые ими владеют, в данном случае ты опасен сам для себя. Потом вспомнилось почти забытое – как дед учил владеть этим же ножом, и почти шенячий восторг когда стало получаться, а дед показывал все новые и новые предметы, которые могли быть оружием в тайге. Это и спичечный коробок, и сухая лесина, и упругие ивовые

ветки, и многие простые, казалось бы, давно знакомые вещи, которые могли понадобиться ему чтобы выжить. Но то в тайге – а здесь?.. Отчаяние и одиночество.

Еще сквозь сон Джону почудился шум моторов и непонятный говор. Просыпаясь, показалось, что все это происходит не с ним и наверное уже тысячу лет повторяется снова и снова с кем-то. Открыв глаза, увидел, что еще сумерки, но уже утро. Багрово-красный диск солнца угадывался у края горизонта. Внизу действительно слышалось какое-то движение. Осторожно подполз к краю и убедился: кто-то есть. Сползая по камням к «джипу», прикинул: судя по звуку двигателя- бронетранспортер, а значит и «воинов аллаха» при нем будет немеряно. «Броники» просто так, по одному, среди ночи здесь не ездят. Осторожно, не заводя двигатель, подтолкнул машину к горловине входа в каньон. Вход оказался шире, чем показался вечером. Два «джипа» разъедутся свободно, а значит, и более крупная машина пройдет. Это конечно – минус, но если закупорить эту дорожку, то, можно унести свою задницу подальше отсюда и не ввязываться в длительный бой. Конечно его арсенал значительно пополнился за последний день, но не настолько, чтобы выдержать открытый бой с регулярной частью. Можно задерживать их здесь надолго, кое-чему в спецназе учили, но в проигрыше окажется все равно он сам. А если вышлют вертолеты, то его война может закончиться гораздо быстрее, чем хотелось бы. Предательское солнце быстро вставало. Утро вступало в свои права неотвратимо. Эх, проснуться бы на полчаса раньше, может и успел бы уйти, а теперь... Ладно, успеем еще поплакать. Не думаю, что ребята будут сильно рады знакомству со мной. Сунул гранату под покойника, усадив его на переднее сиденье, подумал – и сунул вторую. Когда залез на вершину, солнце уже взошло, и сразу наступил день. В прицел снайперской винтовки, взятой в «джипе», было хорошо видно покойника и все подходы к нему. Почему то на него он возлагал особые надежды, хотя и не мог объяснить почему. Час спустя в проходе показался медленно ползущий бронетранспортер с тоненькой стрелкой пушки на башне. Издалека, на глаз – двадцатимиллиметровая скорострельная пушка. Это был еще один минус. Но от их встречи с покойником минус превратится в большой плюс. Броник остановился, не доехав метров десять до «джипа». Высунувшийся до пояса танкист стал что-то торопливо кричать в рацию, размахивая другой рукой. Сзади остановился другой «джип», копия первого. Из него вышел пожилой человек и медленно пошел к машине. Одет он был в черную форму без погон и знаков различия. Только красивая борода с проседью и белая чалма с золотой окаемкой отличали его от других. Держа его в прицеле и не решаясь нажать на крючок, надеясь, что пронесет, он упустил момент, теперь между ними- «джип». Вероятность попадания сильно снизилась. Вокруг красавца в белой чалме шли его то ли друзья, то ли телохранители, но, судя по жестике, скорее и то. и другое. Подойдя к машине, он что-то дико закричал, сорвал чалму и бросился на грудь покойника, его приятели пытались, и не без оснований, его удержать, остановить, но не преуспели в этом. Мощный взрыв двух итальянских гранат разметал черные фигуры. Сдетонировали баки в «джипе» и огненный дождь накрыл всех стоящих и сидящих в проходе. Еще не осела пыль и не унесло дым, как прямо из этой клубящейся массы вынырнул «броник» и стал торопливо «выкашливать» боезапас по окружающим скалам. Эта канонада значительно усилилась после того, как следом за ним в каньон въехало два грузовика с солдатами и еще один «джип» с установленным на нем крупнокалиберным пулеметом. Теперь боезапас расходовался капитально, со знанием дела и во все стороны. Полюбовавшись на этот концерт и поборов желание бросить в кучу-малу под шумок пару гранат, решил, все-таки, сматывать удочки. Подполз к другому краю, расклинил веревку в расщелине камнем, и привстав посмотрел на дно: куда бросать конец и много-ли не хватит до дна. Тут же сел и понял, что влип серьезно. Внизу, с другой стороны, было полно солдат, два бронетранспортера и даже легкий танк. Манипуляции на краю обрыва не прошли незамеченными и были вознаграждены «праздничными» залпами из всех видов оружия. Не высовываясь, он бросил гранату на звук скорострельной пушки и с удовлетворением услышал звук разрыва и «приветственные» крики. Бросил вторую,

поверх первой-для верности. С другого края дела обстояли прекрасно-стреляли все, кто умел это делать и, похоже, из всего что могло стрелять. И чего это они так взелись? Или им просто хочется повеселиться, или эти, в чалмах, может быть, отец и сын, были большие люди. А теперь их псы будут преследовать его, пока не убьют. И не дай-то бог попасть к ним живым! Подобные мысли витали в голове, пока их хозяин, занял, так сказать, господствующую высоту, под восходящим солнцем на неширокой террасе, которая возвышалась с обеих сторон метров на 15—20. Слева и справа пролетали различного калибра куски металла, мелкая и крупная крошка разлетающихся в разные стороны камней. Да, против регулярной части, зажатый на этом каменном клочке, его умение и весь арсенал не могли гарантировать ему шанс выбраться. Потихоньку пришлось ввязываться в перестрелку. Как только «праздничные» залпы стали стихать, самые резвые полезли на стену. Почти не целясь, он сбил двоих короткой очередью и перекатился в сторону, перезаряжая магазин. Если у них есть миномет то это будет не очень-то и весело! Минут сорок, в течение которых ему скучать не пришлось, но, впрочем, и повеселиться тоже, прошли быстро. Все это от того, что отдельные стрелки стали попадать довольно метко, грозя драгоценному здоровью. Он даже ввязался в перестрелку с одним, но бросил. Их просто было слишком много. Прикидывая по времени и ориентируясь по довольно приблизительной карте, выходило, что еще минут 10—20, и должны появиться вертолеты, если они у них есть вообще. Как любил говорить командир взвода, -настало время «принятия решения». Наверное, в жизни всегда есть это время-время «принятия решения». Можно остаться здесь, можно героически рвануть вперед на ура, а можно отступить на заранее подготовленные позиции. Беда только в том, что этих-то позиций и не было. Солнце стояло почти в зените, а может это только казалось. Во всяком случае, прохладой не веяло. Воды немного еды нет совсем. По всему выходило, что обед придется пропустить. Внизу ребята затеяли перегруппировку, чтобы не переть нахально всем табором, тем более что уже «обожглись». Наблюдая, заметил, что связные, или как их тут называют, подбегают к одинокой машине, которую он в суматохе не сразу заметил, и, прикладывая руку к голове, по всей видимости, что-то докладывали. Для автомата-далековато, а вот винтовка с доброй оптикой разрешила проблему. Стекла крытой, бронированной машины отсвечивали, так что сидящих внутри не было видно. Но прикинув, что начальник сидит, скорее всего, справа от водителя, выпустил обойму на десять патронов, первые пять-бронепробивных, прямо в лобовое стекло. После третьего выстрела оно покрылось мелкой сетью трещин, а после пятого все остальные пули без помех вошли внутрь бронированной коробки прошивая насквозь сидящих внутри и рикошета от стен. Скорее всего, начальник, сидевший в машине, был дорог сердцу каждого воина, так как все на мгновение позабыли о виновнике этого торжества и устремили уставшие взоры, а кое-кто и уставшие стопы к машине. Из множества глоток вырвался не то хриплый крик, не то рычание. Во всяком случае на слезы радости это было не похоже. Сам же он этого не застал, так как уже торопливо съезжал вниз на том, что осталось от штанов, срывая ногти. Туда, откуда он впервые поднялся сюда. Если удастся перебраться через этот каньон или хотя бы спрятаться в складках скалы и чахлом кустарнике, на той стороне дороги появиться шанс. Чтобы ребята не отвлекались от начатого дела, он поставил флаг на том месте откуда последний раз стрелял. Флаг простенький-к стволу винтовки привязал свой тельник и поставил ее на приклад, подперев камнем. И надо же, это нехитрое сооружение вызвало бурю энтузиазма. Нестройной цепью полезли вверх сразу человек двадцать. С той стороны, наверное, тоже самое. Один из самых ретивых подобрался к террасе ближе всех и закинул вверх гранату. Последняя исправно бабахнула, наградив благодетеля кучей щебенки. Следом за ней бабахнула еще одна, видимо ее кидали с той стороны и увидеть автора этого шедевра не удалось. Занятие это так понравилось участникам, что когда они разобрались что к чему, ряды энтузиастов заметно поредели. Умеют же, когда захотят.

Ему повезло забиться в расщелину и большую часть этого представления в свою честь он пропустил, а вызывать на «бис» – постеснялся. Сейчас же он старался удержаться на малень-

кой ложбинке, где то на середине подъема. И хотя в лопатку и спину упирался здоровенный обломок камня, зато непередаваемое чувство временной безопасности было вознаграждением за все. Сверху не видно и снизу не заметно. Одно плохо – жестко и есть хочется как из пушки. Прележав до вечера в этом роскошном укрытии, без движения, он чуть не озверел. При малейшей попытке переменить положение вниз сыпались мелкие камешки или становилась видна какая либо часть тела, а все они, без исключения, были ему очень дороги. Развлечений было немного. Прилетали два вертолета и обшарили, казалось бы каждый метр на десяток километров в округе. Пешие воины тоже не скучали и уже в третий раз за день бодро обыскивали все кусты, скалы, камни и прочее, на их взгляд, укромные места. К вечеру утомонились. Набегались за день, бедолаги и расположились лагерем внизу. Выставив однако охрану, которой могла бы позавидовать иная военная база. Уважают! И будут теперь уважать! Иначе – не понимают! Как стемнело, он принял попытку выбраться из этого стойбища. Попытка почти удалась. Все почему-то ждали гостей извне, и никто-изнутри. Почти, потому что один, все-таки оказался подозрительным и крайне любопытным. Но скоро любопытство и подозрительность его исчезли совсем, и утром, когда его найдут, все поймут, что он свалился со скалы и свернул себе шею. Нужно быть осторожнее подумают они, и успокоятся. По крайней мере, хотелось бы в это верить...

За ночь Джон отмахал почти пятнадцать километров, конечно приблизительно. Обойдя далеко стороной какой-то аул или кишлак, или черт знает, как они тут называются. Благо, что слышно его было издали из-за обилия собак, выясняющих свои собачьи отношения. День прошел практически спокойно, если не считать пролетевшего десять минут назад над ним вертолета. Учитывая маскировку, увидеть с воздуха его практически невозможно. Полеживая и покуривая вонючие, терпкие сигареты -размышлял: почему вертолет оказался здесь? Объяснений могло быть множество, но самое неприятное и самое вероятное то, что его все-таки нашли. Где-то наследил в потемках. Отсюда следует вывод-нужно быстро уходить. Не хотелось в это верить, но обманывать себя еще хуже. Вопрос второй-куда? Если поймут что ему нужно на север, к морю-там наши, то враз перекроют все дорожки-пути. Давать крюк-все равно накроют. Чем дальше в пути, тем меньше шансов дойти к цели. Хотя если думать о шансах: какие у него были тогда шансы, когда он остался отстреливаться, вызывая огонь на себя и давая улететь последнему вертолету с ранеными и оставшимися в живых пацанами, для которых это было их первое дело. Кому из них он мог приказать остаться?! Пожалуй, только себе. Сержант – он и в Африке сержант. Опора и стержень армии. Да к черту все эти опоры и стержни, так до многого можно додуматься. Например, как вообще они здесь оказались: и живые, и мертвые. Кому это нужно? Уж точно не тем, кто остался в этой чужой земле навсегда. И вот теперь из-за какого-то засранца ему нужно встать и идти, идти в никуда. Идти прямо сейчас, а ведь еще светло, и его могут засесть, может вернуться вертолет, могут перекрыть весь квадрат и начать методичное прочесывание, могут... черт их знает, что они еще могут. Но все-таки кровь он им пустил, значит, отомстил за ребят, а это значит все-не зря, заставил их уважать русского солдата, значит это все нужно всем нам! Ну, а раз так-вперед!

Смеркалось. Ночь здесь наступает мгновенно, и она наступит через полчаса, а пока у него есть время перевести дыхание. Впереди маленький поселок, всего несколько домов. Да и дома-то смех один-неказистые, сложенные из камней и, кажется, без глины или цемента. Просто сложенные друг на друга. Зайти или нет? Если его вычислили, то лучшего места для засады просто не придумаешь. Но с другой стороны: их множество-он один, его можно было уже сто раз прихлопнуть. А раз не сделали этого до сих пор, значит задумали что-то на редкость гадкое. Впрочем что еще можно ожидать? Самое худшее- это взять его живым, видимо, за особые заслуги, не считаясь с потерями. Ну, впрочем, это вряд ли получится. Хотя, зарекается не стоит, чтобы не сглазить. Время ужина. Завтрак был очень легкий-только две галеты, это все, что было в карманах «любопытного», а обед он опять пропустил. Подобравшись к край-

нему дому, долго лежал, вслушиваясь. Что-то странное было в этой тишине, чего-то не хватало. Вдруг осенило-собаки! Почему их нет? Чтобы не лаяли на чужих! Значит, здесь чужие. Попался! Как пацан! Вскочил и зигзагами бросился в сторону, под ногами загремели камни. Тотчас же по камням ударила очередь. Стрелок был довольно близко. Похоже, «пасли» его весь день, и обратно дороги нет, нужно уходить через это безвестное поселение, прямо через кривые улочки и маленькие садики во дворах, если еще не обложили с другой стороны. Впрочем, последнее маловероятно. Но может быть удастся проскочить в темноте, да в кутерьме. Рванул к дому, перевалился через низенький каменный заборчик, уронив сверху несколько камней. Тотчас же в забор снова ударила очередь, раскидав остатки камней. Ну что же, время собирать камни и время разбрасывать их. Бежал, перескакивая низенькие ограды, спотыкаясь в каких-то ямах. Все. Впереди, сзади, со всех сторон бегут люди. Их слышно по топоту, бряцанью оружия, бегут нахраписто, по-хозяйски. Врезал очередь на слух в ближайших и не дожидаясь ответной благодарности ввалился в низенький, приземистый домишко. Внутри одиноко горела свечка и были люди. Вскинув автомат, он в последнюю секунду заметил оружия нет. Перед ним стояла маленькая, худая и какая-то ссохшаяся женщина вся в черном. За ней на низеньких нарах, тоже похоже из камня, покрытых тряпками, спал ребенок лет двух-трех. Женщина инстинктивно подняла руки, защищая себя и ребенка. Опустив автомат, подошел ближе. Женщина на лицо оказалась молодой лет 25. Одежда очень старила ее. Поднял руки, пытаюсь успокоить ее, ожидая, что вот-вот она закричит и сюда ворвутся множество мужиков, ему придется защищаться и, возможно, убьют всех и ее с ребенком тоже. Она это, видимо, тоже понимала и на жест о молчании согласно кивнула головой. Прятаться в этом домике было некуда. Стоя посередине, он занимал большую часть комнаты. Женщина показала рукой на темный угол, занавешенный тряпкой, который он сразу и не заметил. Раздумывать некогда, шагнул за тряпку и увидел оконце и дальний конец маленького садика. С той стороны была тишина. Оглянулся на женщину, ребенка. Она протягивала ему что-то завернутое в тряпицу. Развернул. Оказалось -кусок черствого хлеба размером с ладонь. Прикинув, что скорее всего это весь ужин хозяев, Джон хотел отказаться, но не смог. Спазмы в желудке сразу дали о себе знать. Сломал кусок примерно пополам, меньшую сразу сунул в рот, большую положил на постель к ребенку и, не оглядываясь, полез в окно.

На рассвете, чувствуя, что сделать еще один шаг будет равносильно смерти, он рухнул на камни, уснув еще в воздухе, поскольку удара не почувствовал. И опять он оказался в далеком детстве, когда дед учил его всему, что знал сам, а знал он немало, все – таки три войны за плечами. Только сейчас он стоял рядом с ним. Джон смотрел на него снизу вверх, а дед ему что – -то говорил о том, что Джон должен чувствовать все окружающее его и происходящее с ним как одно целое только тогда возможна победа, о гармонии внутри себя и с окружающим миром. Он говорил еще что то и осуждающе качал головой. Но что – Джон не слышал и не понимал. Что он такого делал неправильно, или может, неправильно думал? Он хотел переспросить, но тут в его мозг ввернулся сигнал опасности. Открыл глаза от тревожного чувства – «чужой». Напротив, уставив на него большие темные глаза, не мигая, стоял зверек. Немного похож на нашу лису, но меньше, его покрытые редкими волосами уши чутко встрепенулись. Джон поймал себя на мысли, что они чем-то похожи, наверное, своей настороженностью. Проснувшись окончательно, долго не мог понять, как это так его угораздило опростоволоситься. Мало того, что дрых как пожарное ведро, так еще и шишку набил почему-то на затылке. Перед ним были опять проклятые горы, он лежал в расщелине между двух камней размером с хороший курятник. Что называется-отдыхал в тенечке. Ну ничего, скоро должны появиться приятели, они не дадут умереть от скуки. Медленно поднимаясь на уступы, гадал, что еще может его удивить и порадовать. За исключением, разумеется, большого новогоднего стола, крепкой бани с веничком, широкой кровати с белоснежными, хрустящими простынями, мягкой подушкой и пушистым одеялом. И чтобы можно было спать, спать. Но вот

беда, что сначала есть или спать, или может быть руки помыть? Вопрос казался неразрешимым. А тут еще этот сон. Дурацкий конечно, а может нет? Продолжая подниматься, краем глаза заметил несколько автомашин, а точнее – три. Как раз по ходу движения. Колонна двигалась медленно. Звук моторов не было слышно. Машины были до боли знакомы. Да это же наши «КАМАЗы», вот ведь дожил, так и себя скоро не узнаешь. Непроизвольно ускорил шаг, потом побежал. Кричать бесполезно-далеко, не услышат. Стрелять-так пожалуй еще и ответят. Задыхаясь бежал наперерез движению. Одна мысль – успеть, а там наши, свои. А свои – они и в Африке свои, это каждый знает. Перевалил через гребень, на мгновение замер и рухнул за камни. Машины еще не дошли до поворота, за которым их ожидала неприятная встреча. Не успеть. Все-таки рискнул, побежал, перепрыгивая через камни и щели вниз. Спускаться вниз труднее чем идти вверх. Сухой звук автоматных выстрелов, гулкие взрывы гранат и хлесткие разрывы мин, торопили его все больше и больше. Не успел. Оказавшись у дороги метрах в ста – осмотрелся. Около машин ходили люди в знакомой черной форме, по-хозяйски и деловито суетясь выбрасывали из кузова ящики и какие-то мешки. Двое вытащили из кабины раненого, видимо водителя. Последовал pistolетный выстрел в стриженный затылок, и тело русского осталось лежать в дорожной пыли. Наверно он озверел от этой, в общем то обычной на войне, сцены или от прошедших дней, а может от всего этого вместе. Выскочив на дорогу перед машинами и дико крича, поминая всех ближних и дальних родственников, расстреливал в упор набегающих солдат. Сменить магазин не успел. Первый, кто выскочил из-за кабины «КАМАЗа» получил нож в горло, его М-16 с подствольным гранатометом поменял хозяина и всем остальным стало еще хуже. Двое оставшихся воинов аллаха плотно засели за последним «КАМАЗом» и взять их оттуда было нечем. Время работало на них. Пыл боя спал. Пора раскинуть мозгами. Уйти уже не удастся. Пересечь 15—20 метров открытого пространства ему не дадут, оставаться здесь – долго не усидишь. Выставил ствол винтовки подальше и прислонил к колесу. Чтобы был виден противнику. Осторожно влез на крышу, во время очередных залпов-перепрыгнул на соседнюю крышу, благо что машину занесло от резкого торможения, и они стояли в двух метрах друг от друга. Самый отчаянный в это время пошел в атаку, под прикрытием товарища. Его перекошенное лицо с какими-то крошками в жидкой бороде, со свежей ссадиной на щеке, кургузая курточка и штаны с обвисшими коленями создавали двоякое впечатление, если бы не железяка с длинным стволом, прижатая к животу, то пожалуй, можно было бы ошибиться с первого взгляда. Атака закончилась быстро – ударом в горло ребром ладони и хрустом сломанных шейных позвонков. Его приятель, не выдержав такого поворота событий, бросился вперед с автоматом наперевес. Из нужных пяти метров он не добежал двух, нарвавшись на очередь из автомата, который опять только что поменял хозяйина. Наскоро обыскав всю, имеющуюся у него технику и собрав приличный арсенал, в кабине последнего грузовика нашел рацию нашего, армейского образца. Включив, с удивлением увидел зажегшийся зеленый огонек. Рация работала от аккумулятора машины и являлась как-бы стационарной. Если ее тащить, то вместе с ним, а лучше вместе с машиной. Осмотрев любившегося «железного коня» с радостью узнал, что повреждения скорее чисто косметические, по крайней мере, с виду. Выбитые стекла, фары, пробитый радиатор, судя по луже под кабиной. В двигателе он разбирался плохо и надеялся, что сможет, проехав километров пятнадцать-двадцать, оторваться от надоевших «земляков». Ему здорово повезло, машина с пробитым радиатором проехала без малого с десятков километров по дороге в ту же сторону, куда шла колонна. Развернуться он не смог и теперь, не торопясь, ехал вперед, в гору. Множество поворотов и непривычность в управлении занимали все внимание. Поэтому, когда мотор заглох и в кабине сильно запахло горелым, он понял, что сие приятное путешествие закончилось. Включил рацию, настроил на волну отряда и, на выдохе, вышел в эфир открытым текстом. На удивление, не прошло и пяти минут, как ему ответили тоже открытым текстом. Да, пожалуй в шифровке эти слова не нуждались. Тот, кто их знает, поймет в любом виде, кто не знает – все

равно не объяснить, откуда этот незнакомый, грубый голос близко знает множество родственников и является чуть ли не отцом собеседнику. Сомнений не было, это точно свой. Таким словосочетаниям за границей не учат. Кратко изложил суть происшедшего, попутно упомянув, о стычке с регулярной частью и ее причины. Услышал в ответ что-то наподобие уважительного восклицания и уверения в близком знакомстве с его матерью. В этом он сомневался, но остальное заставляло задуматься. Договорились, что за ним пришлют летательный аппарат сразу же, как только этот аппарат окажется под рукой. А окажется оный под рукой часа через три, учитывая все инстанции. Плохо только, что где он сам находится, никто не знал, так как ориентировался все больше по звездам, ночью, определяя только направление. Но из объяснения понял: идти нужно на север, примерно километров пять по прямой-там ровная площадка с полкилометра в диаметре, которая и являлась контрольным ориентиром. Зачем вертолету нужна ровная площадка в полкилометра не ясно, или за ним хотят прислать «Боинг»? Но идти нужно -это как раз тот самый шанс, о котором так хорошо мечталось. Выбравшись из кабины, осмотрелся. На север, значит вниз, через ущелье, потом вверх до гребня, а там видно будет. Да по прямой километров пять, а вниз-вверх – все десять. Нужно их быстренько пройти, чтобы был запас времени на всякий случай. Развесив на себе разные железные вещи, стал похож на новогоднюю елку, но все эти вещи нужны для последнего рывка. Снизу по дороге двигалась колонна, видная издали по столбу пыли. Пожалуй, минут через двадцать будут здесь. Пора. Молодым и резвым оленем запрыгал вниз. Успел отойти почти на километр, когда сзади раздался гулкий взрыв. Это самый любознательный открыл кабину «КАМАЗа» и наверно, успел сильно удивиться, увидев перед собой связку гранат, кольцо от одной из них висело на ручке дверей, как раз перед лицом открывшего. Без малого триста литров топлива устроили шикарные похороны многим, по чистой случайности оказавшимся на этой пустынной дороге. Ускорил шаг, сознавая, что от преследователей его отделяет только время, и оно тоже за них. Они дома, им торопиться не надо. А ему еще нужно добраться до него. До середины подъема его не видели. Подъем оказался положе, чем виделся издали. Потом, увидев виновника торжественного фейерверка, они устроили форменное безобразие, открыв огонь из всего, что стреляет. Расстояние для прицельной стрельбы было великовато. Разумеется, если не подтянут что-нибудь посolidнее калибром. Останавливался только для того, чтобы оставить маленькие сюрпризы своим неутомимым преследователям в виде противопехотных мин. Таких замечательных, блестящих, маленьких штук.

Ближе к перевалу стало значительно хуже. То ли пристрелялись, то ли стреляли еще откуда то, не было времени засечь откуда, да и не имело смысла. Замысел их понятен – прижать к земле, не давая перевалить через гребень, а там и снизу подойдут и разберутся по законам военного времени. Между тем, воздух густел. Чаще стали рваться мины, мелкая каменная крошка непрерывно сыпалась на голову. Визг рикошета и близкий свист пуль уже не заставлял втягивать голову, иначе она бы давно ушла в эти самые плечи по самые уши. До вершины и гребня оставалось метров десять, вот тогда он понял – все, сейчас не подняться. Нужно малость передохнуть и сбить их с толку, с ритма, с прицела. Хорошо бы, но чем?

Неутомимые скалолазы, идущие по его следам, время от времени нарывались на его сюрпризы, и их цепочка редела, но, похоже им не было конца. Они не так опасны на данном этапе, как змеиное гнездо минометчиков, засевших метров на 600 ниже и кидавших свои мины с просто поразительной неутомимостью. Он прикинул их положение и увидел камень, лежащий на краю приютившей его террасы, где то примерно над их бестолковыми головами. Две трети арсенала ушло на то, что бы не вышло прокола с «камешком», дабы направить его в нужное русло. перебежками удалось отойти от валуна метров на 10 и забиться в щель. Закрывая голову руками и прикладом автомата, бросил гранату. Взрывом часть камня разнесло в мелкую щебенку, остатки рухнули на головы беспечных скалолазов. Их «приветственные» крики возвестили о том, что они узнали о свалившемся на них «счастье» последними и от этого огор-

чились. Те минуты затишья, вызванные обвалом и гибелью почти всего отряда преследователей использовал с толком-броском преодолел последние метры и перевалился через гребень. Только тут он понял, что ошибся-все еще впереди. И эти метры не были последними. Далее простиралась та самая ровная площадка, с разбросанными в беспорядке камнями, величиной с апельсин. Последние могли служить укрытием чисто теоретически. До расчетного времени прибытия транспорта оставалось 30—35 минут, а их нужно было еще прожить. Сейчас, находясь ниже гребня, можно было не опасаясь, стоять во весь рост. Но скоро эти умники поймут тщетность своих усилий и возьмут другой прицел, тогда-то здесь и начнется настоящее веселье. Учитывая количество актеров, играющих эту пьесу, можно было предположить, что они полезут на сцену со всех сторон. Путь к славе тяжел, но оправдан. По идее, нужно уходить отсюда быстрыми, длинными шагами, а лучше-бегом. Да и то, вероятность уйти из этой сковородки очень мала. А если остаться минут на 5—10, то можно остаться здесь навсегда. Никто не против, когда Родина придумывает для нас разные тяготы и невзгоды, но все хотят, чтобы они еще и хорошо заканчивались.

Это только в кино бывает, что наши всегда побеждают, а в жизни-чаще наоборот. Помня ленту в пулемете, не зря же тащил такую тяжесть наверх, закурил и стал ждать, когда самые сильные и смелые подойдут поближе. Уже минут через 20 его изрядно оттеснили от края гребня, и сейчас он прыгал и кувыркался, стараясь спрятаться именно за теми камнями, о коих так нелестно подумал вначале. А прятаться было от кого! Согласно сценарию, актеры дружно выходили на сцену. Их было много и со всех сторон. Наверное, задние не знали, куда деваются передние, и напирали. Передние тоже не теряли времени даром, каждый норовил произвести торжественный залп в сторону одинокого стрелка, не успевая заметить, что стрелок бьет с колена из крупнокалиберного пулемета, оперев сошки в камень перед ним. Крупный калибр. Пули прошивали насквозь тела передних и отбрасывали их назад. Сзади уже напирали те, кто хотел поучаствовать в представлении. Лента была последней, оставалось еще половина. И все. Одна мысль свербила в мозгу -что дальше? И где этот трамвай или троллейбус. или что там хотели за ним прислать? Странный шум – какой-то сильный шипящий свист возник за спиной. Обернуться некогда, да и не к чему. Если уж все-равно крышка. Но не выдержал-обернулся... и обалдел! Метрах в пятидесяти садился самолет. Небольшой боевой самолетик поднял целую тучу пыли и песка. Вертикальный взлет, а стало быть, и посадка. Но самолетик не садился, а как-то странно завис в воздухе. Выглядел он здесь, как тарелка инопланетян на Красной площади. По крайней мере, эффект вызвал такой же – тишина и изумление. Не раздумывая, бросился к самолету! Пыль забивала глаза, уши, нос... Чуть не на ощупь добрался до крыла. Самолет как-то странно болтался в полуметре над землей. Фонарь самолета был уже открыт, пилот в летном шлеме с темными стеклами призывно махнул рукой. Бросив пулемет и вцепившись в крыло, он с трудом перекинул тело и пополз по дрожащему железу. Перевалился вниз головой на второе сиденье за спиной пилота. Не успел прийти в себя, как самолет был высоко в воздухе и выполнял какие-то зигзаги и пируэты. Разумеется, пристегнуться он не успел и сразу же врезался лбом в ближайший угол, похоже для него сразу наступила ночь. Очнувшись, сел в кресло, пристегнулся. Через стекло плексигласа видны были солнце и чистое голубое небо, мелкие белые облачка далеко-далеко внизу, и там, еще ниже – земля. Чужая и теперь далекая. Впереди – только небо и только солнце...

Пока Джон спит и не представляет, что будет дальше. И слава богу. Но скоро он проснется и узнает. Узнает не все и не сразу. И отношение к своим новым знаниям у него будет двоякое. Он узнает, что во-первых, ему поверили, предварительно все тщательно проверив. Во-вторых, теперь ему придется воевать в новой ипостаси – он будет командовать специальным отделением. И будет это отделение выполнять самые сложные и трудные задачи, ну и самое главное – он познакомится с новыми людьми, о чем в последствии ни разу не пожалеет. Но это будет уже

после того как он проснется. А пока, он спит на жестком, железном полу, подложив под голову остатки куртки, честным сном праведника, и все еще впереди.

Глава 2

«ЖИВЯ РАДИ ЖИЗНИ, РУСИЧ ВСЕГДА ВЫБИРАЕТ СВОБОДУ... НЕТ СМЕРТИ» Ратибор

День выдался на редкость удачным, и это понял бы каждый, когда узнал, что удалось дважды позавтракать. И даже, познакомившись с поваром поближе и подарив ему пару безделушек, коих он в глаза не видел ранее, так сказать, предварительно отобедать. И сейчас счастливец чувствовал себя разомлевшим на солнышке удавом. Хотелось, воздав должное питиям и яствам, предаться воспоминаниям и скромно вздремнуть часок-другой. Но, видимо, в жизни справедливости нет и не было никогда. Иначе с чего это вдруг вызывают к комбату, среди полного благополучия и неги, да не одного, а все вверенное ему отделение, громко называемое-отделение специального назначения, приданное частям особого назначения. ЧОН (часть особого назначения), как известно, болтается по всему свету, везде находя себе дело.

Прокрутив в голове пару предыдущих дней, не нашел никаких грубых нарушений устава. Со вздохом сунул многотрадные ноги в еще более многотрадные, разбитые ботинки, туго зашнуровал, мазнул по ним тряпкой, предварительно смачно плюнув на порыжевшие носки. Застегнул верхний крючок, одернул выгоревшую куртку под ремнем. Комбат, конечно, позволял некоторые вольности в виде закатанных рукавов и расстегнутых пуговиц, но потом не обижайся, если вечно будешь мыть посуду, чистить картошку и устраивать генеральную уборку. Памятуя об этом, посмотрел в обломок маленького зеркала. Да, ну и рожа! Небритую щеку пересекала свежая царапина с уже подсохшей корочкой, правая скула припухла и выделялась на общем фоне наливающейся синевой. Но что делать. В другой раз не подставляй голову под приклад автомата, за который уцепился здоровенный черномазый детина. Еще повезло-успел уклониться, удар попал вскользь, а то бы так легко не отделался. Шагнул в пролом стены последним, вслед за своими ребятами. Комбат располагался метров на двести сзади и левее. Как и положено начальству-рядом с кухней. Предстал перед ясные очи грозного командира, нещадно поедая его глазами. Лицо комбата было красным и опухшим с щелочками налитых кровью глаз, могучий запах перегара валил с ног за три шага, расстегнутый грязный ворот, порванный рукав куртки и здоровенные кулачищи завершали импозантную картину. Тут же получили достойный разнос за непотребный вид и недостойное поведение. Впрочем разнос был недолгим-минут пятнадцать, на этом торжественная часть была закончена и приступили к делу.

Как известно, под любым большим городом есть сеть канализационных каналов, представляющих из себя запутанные катакомбы. Совать туда не советовалось никому, учитывая, что засели там отдельные небритые личности цель которых была в том, чтобы причинить максимум огорчений противнику и незаметно исчезнуть в этих катакомбах. В эти отряды набивались наемники со всего мира. А поскольку противником, в данном случае, были мы сами, необходимо примерно-показательно наказать «пацанов». Туда уже посылали и десантников, и ребят из морской пехоты, иногда даже удачно, но перевес был все равно не на нашей стороне. Командирам, как всегда, хотелось показательной победы, поэтому каждый из них доставал из рукава очередной «козырной туз», посылая вниз лучших людей из частей особого назначения или просто удачливые группы, которым уже случалось побывать в подобном дерьме по уши. Выслушав поставленную задачу-надрать уши «пацанам», которая закончилась уверениями в совершеннейшем почтении и утверждении в более близком родстве, чем предполагалось ранее, собрались под обломками кирпичной стены, сев на корточки и битые кирпичи. Настроения никакого. В этой канализации угробились уже такие «волки» и асы, которые предварительно «съели на этом целую стаю собак». Как и что делать пока не ясно. В голове-пустота

и отрешенность. Один вопрос-«ну почему я?» Что смогут сделать восемь человек в этом огромном, запутанном, подземном городе. Он же их сожрет, как сожрал остальных, и не подавится! Самое лучшее-это потеряться, чтобы не нашли ни свои, ни чужие. Но, постепенно в голову стали приходиться более ценные мысли и задача уже не казалась такой неразрешимой.

Каждый из собравшейся восьмерки был специалистом в своем роде.

Пифагор, в просторечии-Пиф, – спец по связи. Многие часто пользовались его маленькими хитростями и большим умением, чтобы позвонить домой в Союз. Поговаривали, что он предательски пользовался спутниковой связью. Причем спутник не наш. Но свои секреты он не раскрывал никому, хитро усмехаясь на провокационные вопросы и пряча глаза за стеклами очков.

Балаган – подрывник. Похоже ему ничего не надо было в жизни, кроме того, что он и так уже делал, причем делал вроде-бы из ничего. Какие-то проволочки, катушки, батарейки и вечная бездонная сумка у пояса. Он сам говорил, что на самые свои лучшие шедевры, все нужное он покупал в магазине или в аптеке. От тюрьмы на гражданке его спасла армия и то, что его разглядели и приставили к делу без которого он себя не мыслил.

Весельчак, душа собравшегося общества, вернее его непутевый сын, **Чека** – прозванный так за то, что балуясь гранатой, потерял кольцо и целых полчаса держал скобу, пока не нашел и не вставил чеку на место. Это ему стоило нескольких седых волос-большой любитель пострелять из пулемета, с которым не расставался почти никогда. Было подозрение, что он и родился сразу с пулеметом и рос вместе с ним уж больно виртуозно он им владел, даже ставил свою залихватскую подпись тоже им.

Боб – снайпер. Немногословный, спокойный и, как все снайперы, выдержанный. Из его жизни было известно, что когда-то он пас деревенское стадо и пил парное молоко о чем всегда вспоминал с душевной теплотой. Для всех прочих этой теплоты уже не хватало, хотя черт знает, что там роилось под коротко стриженными кудрями и невозмутимым лицом профессионального игрока в покер. К тому-же он был старше всех на целых полгода, о чем, при случае, не стеснялся заметить.

Феникс – названный так за свои феноменальные способности попадать во всякие неприятности и умением всегда выпутаться из них не без удовольствия для себя. Он всегда и все мог разложить по полочкам. Никогда не повышал голоса, ожидая, когда собеседник проорется, чтобы следующим замечанием посадить его в лужу. Умение, что и говорить, весьма ценное, учитывая его издевательский тон и безошибочное чутье на выход из безвыходного положения.

Чук и Гек – два неразлучных приятеля, земляки, были знакомы еще на гражданке. Ребята дополняли друг друга как два сапога, понимая с полуслова, а иногда и без слов, что и когда нужно делать. Учитывая то, что эти два воина были неразлучны и как то немного похожи. для разнообразия, один носил автомат, другой- небольшой гранатомет-нужная, но тяжелая вещь. Их вера в светлое будущее была непоколебима и представляла собой пример неизлечимого оптимизма, весьма нужного сейчас собравшейся компании.

Джон – командовал, вернее пытался командовать, этим сборищем талантов. Его единственное, и весьма иллюзорное, преимущество было в том, что в экстремальных ситуациях в голове включался какой-то компьютер и все вопросы решались быстро, не раздумывая и правильно. А учитывая его удивительное и не объяснимое везение, присутствие его было, пожалуй, оправдано. Он-же, по совместительству, являлся специалистом по холодному оружию, поэтому ходил увешанный множеством хитрых железяк, непонятного назначения.

Собравшаяся команда молча сидела, курила. После третьей подряд сигареты появились деловые предложения и родилась идея, как все-таки сделать то, что приказано, и по возможности, вернуться, сохранив свои драгоценные шкуры. Вечер ушел на подготовку и экипировку. Выпрашивая в одном месте и попутно просто воруя в другом. Впрочем, угрызений совести никто не испытывая-век бы не видеть этого барахла.

Раненько утром, по холодку, спустились в люк и, согласно схеме, бодро потопали по узкому проходу, по щиколотку утопая в протекавшей по дну вонючей скользкой жидкости. Пиф порадовал всех мыслью, что новые носки, надетые утром, он, пожалуй, выбросит вместе с ботинками. Вот куркуль, и где он берет такие редкие и нужные вещи, как новые носки. Вскоре, о носках никто не вспоминал-шли скользя и поминутно падая, по краю ручья. Так что до того-ли. После обеда, который, впрочем, никому не полез в горло, сидели, прислонясь к скользким стенам в полной темноте, экономя батарейки в фонариках и размышляя о бренности всего сущего, попутно стараясь, хоть немного расслабить дрожащие от напряжения ноги. Вдруг, как много в жизни случается вдруг, совсем близко, за ближайшим поворотом услышали, как кто-вскрикнул, видимо упал в воду. Всплеска за постоянным, убаюкивающим шумом ручья слышно не было. Мгновенно разобрались и приготовились к тому, чему их готовили. Судя по многим бликам фонариков, видимых на противоположной стене, шли человек 10—12. Балаган засуетился, прилаживая маленькую, блестящую штучку к плоской дощечке, чего только у него с сумке нет, с целью-запустить нехитрое сооружение вниз по течению.

Замысел удался как нельзя лучше. Видимо гостей здесь совсем не ждали. Яркая белая вспышка света среди слабых бликов фонариков, на несколько секунд отключила зрение супостату. И вряд-ли кто-то из них успел увидеть брызжущие автоматные очереди вслед за вспышкой. Документов у этих любознательных спелеологов не оказалось, что, впрочем и ожидалось. Примерно через час путешествия по сточным канавам, сзади послышался шум-нахальный топот по лужам многих пар ног, обутых в тяжелые солдатские ботинки. Пытаясь уйти от нахалов, немножечко поторопились и попали, похоже, в тупик. Нужно разобраться со схемой, где-то есть люк на верхний уровень, но где? Чук, Гек, Чека – к повороту – остановить. Гулкие очереди, взрывы гранат и приветственные крики отметили знакомство супостата с отдельными экземплярами советского вооружения, потом все стихло кроме звона в ушах. Да, враг, как всегда, коварен и замыслил худое. Судорожно, срывая кожу с пальцев, на щуп искали ту волшебную дверцу наверх. Может, конечно, там полно встречающих, как и здесь провожающих, но долго здесь не высидеть и подмога не придет. Мысль о том, что есть возможность остаться здесь навсегда, в этой вонючей жиже-приводила в дрожь. Люк нашелся почти под самым потолком с заржавевшей ручкой, конечно закрыт, другого и не ожидалось. После хитростей Балагана-люк упал вниз весь, вместе с тем, что подразумевалось под замком. Сверху полились потоки жидкости запахи которой словами не передать, на ощупь лучше не представлять, а вкус-просто незабываемый. Феникс и Боб вылезли первыми, за ними-все остальные. Последним вылез военный начальник, не забыв бросить за угол две осветительные и одну осколочную гранаты, надеясь, что это немного развлечет и задержит настойчивых преследователей. Балаган задержался, на минуту, над люком, уверяя, что это его маленькое последнее изобретение доставит первому нашедшему эту хитрость много больше радости, чем все предшествовавшие.

Бежали долго, сворачивая в темные тупики и возвращаясь, подсвечивая тремя оставшимися фонариками из восьми выданных и двух спертых прямо при начальнике склада. Наконец вышли на магистральную линию, если можно назвать магистральной трубу двух метров в диаметре с протекавшим по дну ручейком и покрытыми какими то наростами и водорослями стенам. Судя по схеме – где то над ними район порта. Здесь полно охраны и вылезти и проскочить мимо незамеченными, вряд ли удастся. Шли дальше с тревогой прислушиваясь к нарастающему шуму за спиной. Похоже, хозяева знают здесь все ходы – выходы не пользуясь приблизительной картой – схемой. Остановились на коротенький перекур, решили вылезать через первый попавшийся люк. Вот только где он? Вот развилка трубы, дальше шли только тонкие стволы труб, в такие только кошка пролезет. В центре-маленькое озерко, воды до пояса. Все-тупик. А по карте-схеме дальше идут полноценные трубы. Да, неувязка. За спиной, за первым поворотом все стихло. Нехорошо это. Вдруг что-то неясное за-кралось в заляпанные грязью затылки, какой-то запах явно забивал все присутствующие. Бензин! Джон включил

на секунду фонарик-точно по всей поверхности расплывались маслянистые, радужные пятна. Значит хотя бы поджарить, нехорошо все это, так не поступают настоящие джентльмены. Решение одно – вперед, встречный бой, пока не ждуть. Их много, в потемках-есть шанс прорваться. Как в песне-ножи в ножи, глаза в глаза. Стычка короткая и страшная для обеих сторон. Силы неравные. Неожиданность и нахальство быстро компенсировалось количеством противников. Организованное наступление превратилось в бой одиночек, где каждый сам для себя. Только крики, плеск падающих тел, шумное сопение, изредка, свистящий сквозь зубы мат и чаще гор-танные выкрики, перемешанные с английскими командами.

Джон медленно отступал к развилке, умудряясь уворачиваться от двух, наседавших на него здоровенных мужиков. Его нож остался там, в чьем-то горле, два сюррикена из трех бездарно растрочены в темноте. Остался последний и он выжидал удобного случая. Дождался, его противник застыл, сведя сверкающие белками, дикие глаза к переносице, откуда торчала маленькая угловатая железка и молча рухнул, лицом вниз. Его приятель даром время не терял и от его удара ноги Джон отлетел в озерко с перебитым дыханием, тот сверху, уцепившись за горло, пытаясь видимо оторвать бестолковую голову. Джон задыхаясь, выхватил маленький нож с широким лезвием из ножен на голени и ударил снизу вверх, вспарывая живот и грудь. Захват ослаб, скинув противника в воду, вынырнул одновременно со вдохом. Прямо перед глазами -широкая спина с обрывками какой-то тряпки на шее. Не наша спина. Хозяин спины скоро успокоился на дне озерка. Вынырнув в очередной раз и отплеываясь прямо на головой увидел близкую вспышку выстрела. Схватил за руку и, ломая локоть, бросил стрелка-умельца в воду, погружаясь в нее уже в третий раз. Помаленьку, крики стихали.

Собрались вместе только шестеро. Гек нарвался на очередь в проходе еще в самом начале, Пиф лежал на краю ручья и тихо стонал. Одинокий стрелок все-таки попал. Пуля прошла через мышцы шеи, из разорванных сосудов медленно вытекала темная кровь, смешиваясь со сточными водами большого города. Наложили повязки, не веря в успех. В глазах Пифа тревога и немой вопрос – что там? Хотел что-то сказать, но слова не получались, выкашливались только сгустки крови. Осторожно, на руках понесли по проходу, подбирая брошенное оружие. Гек лежал на спине. Очень бледное и спокойное лицо никак не соответствовало развороченной грудной клетке. Медленно несли всех. Чека-впереди, остальные метров на десять сзади, последним шел Джон, угрюмо сопя и сплевывая тягучую слюну.

Вот он-чертов люк. Вылезли на поверхность. Ночь, а может вечер. Здесь не поймешь. Кабаки, бары, бордели, маленькие магазинчики работают почти всю ночь. Война идет там, на окраине, в демаркационной линии. А уже в двух кварталах от нее идет другая жизнь. Жизнь есть жизнь, а бизнес есть бизнес. Солдатики тоже люди и им тоже хочется чего-нибудь вкусенького. Одинокие прохожие шарахнулись в разные стороны от чудищ, вылезших из-под земли. Было чего испугаться. Оглядывая воинство, Джон невольно поймал себя на мысли-как хорошо было вчера, природа, видимо, не любит излишеств, и вот теперь так плохо. Это лучшие ребята, с которыми ему доводилось встречаться в жизни. Они дороги ему все вместе и каждый по отдельности. Но вернуть уже ничего нельзя.

Молча, цепочкой, зашли в ближайšie, тускло освещенные двери, с аляповатыми стеклами, не обратив внимание на рекламу, висевшую над входом. Оказались в борделе. Публика и девицы бросились в разные стороны, увидев команду. На пол положили Гека, на диван-Пифа. Он уже почти не стонал, только смотрел такими глазами; с застывшим вопросом-как же так, почему я? Чека остался у входа, Феникс Чук, Боб рассыпались по зданию, Балаган подошел к «мадам», сидевшей за маленькой конторкой и являющейся, видимо, хозяйкой заведения. Обращаясь к ней максимально вежливо, по своему конечно, на ломанном английском с примесью русского мата-излагал свои замечания и предложения по улучшению работы учреждения, попутно перерезая шнур телефона и обыскивая ящики стола. Пиф глядел слабеющим взглядом, повязки промокли насквозь и кровь тоненькой струйкой стекала на диван, в его взгляде

было столько отрешенности и покоя, что Джон вздрогнул. Человек достиг того, что всем нам предстоит, кому раньше, кому позже. Минутой спустя глаза его широко открылись и замерли где-то в пространстве над плечом бывшего командира. Он так и не смог сказать ни слова. Вздрогнув и прикрыв ладонью чужие глаза, подумал-где то очки потерялись, как же он без них. Враз как-то озверев, схватил с пола автомат, врезал очередь поверх голов, что-то дико крича, поминая всех святых и их матерей, поскольку с его точки зрения, они в этом были не правы. Затвор клацнул последний раз-кончились патроны.

Внезапно, почувствовав усталость и напряжение всего дня, сел на пол В горле першило. И если мог бы заплакать, заплакал бы, глядя на этих двух бесконечно дорогих ему людей, которых он не смог уберечь. Виноват в гибели подчиненных, вверивших ему свои жизни, всегда командир. В данном случае – он.

На выстрелы выскочили Феникс и Чук, позже-Боб, ведя с собой симпатичную девчонку. Оказалось русская и здесь уже три года. Ей 23, бывшая москвичка выскочила замуж, не подумав, за араба. Жила полгода как у Христа за пазухой и вот чем закончилась эта идиллия. Да. Одно дело мы здесь, но вам-то девчонки чего не хватало? Плохо было у мамы? Вспоминай теперь снег и белоствольные березки. Мало ли русских болтаются по свету вот так неприкаянно. Хорошо там где нас нет. Она объяснила, что «мадам» уже вызвала полицию кнопкой сигнализации на ножке стола. Впрочем, прибытие полиции было уже замечено. Полицейские всех стран, видимо, похожи друг на друга: здоровые, крепкие, наглые и ведут себя одинаково нахально. Представители власти, так сказать. Они приехали на «джипе» громко сигналивая, в предвкушении хорошей встречи и конечно – «халявы» за то, что выкинут пьяного клиента. Но не тут-то было. Двое сразу же упали как только вошли, третий полез за пистолетом в кобуру и со сломанной кистью, вывихнутым плечом, вынося с собой оконные стекла, рухнул на асфальт.

В «джип» поместились все. Выезжая на пере-кресток, Джон подумал куда влево-вправо? В общем, все равно, лишь бы подальше отсюда. Здесь через десять минут будет слишком много любопытных. Сворачивал уже третий раз, когда Феникс заметил, что место их прибытия от последних двух поворотов, значительно удалилось. Что и говорить-как всегда вовремя. Развернулись поперек движения, поехали в обратную сторону. Краем глаза заметил суету справа, в виде двух «джипов» с солдатами, едущие наперерез. Чук, не дожидаясь указаний, врезал из гековского гранатомета в первую машину. Она перевернулась, загорелась и громко бабахнула за спиной. Красивое зрелище: ночной город, пустынная дорога, редкие огни и густые клубы дыма, вырастающие сзади, как-бы из ничего. Дальше гнали как на пожар. Пока один из удачливых стрелков не пробил оба задних ската. Машина завихлялась и стараясь не врезаться в длинный забор справа, Джон свернул налево в узкий проход, но удержать машину не смог и она зацепила бортом угол. От удара, «джип» развернуло и поставило поперек. Все. Приехали.

Сзади нарастал звук сирен, виднелись проблески маячков. Полиция это не беда, они лопухи, не им нас удержать, а вот регулярные части, коих тут немеряно, это другое дело. Нужно быстренько перебраться через демаркационную линию. Там город контролируют наши, с той же стороны и корабли наши стоят. Забрав из машины все свое, цепочкой ушли в бесконечные коридоры и повороты между штабелями контейнеров. Потеряться здесь можно с легкостью необычайной; каждый тешил себя подобной мыслью, да вот напрасно. Порт и прилегающая к ней территория охранялась как военная база. Об этом как-то не подумалось вначале. На безвестном пустыре, наскоро выкопав неглубокую могилу между штабелями контейнеров-похоронили обоих. Маленький холмик, сухость в глазах. Простите ребята, больше ничего не смогли сделать для вас. Вечная память. Минут через двадцать настало время принятия решения: либо попытаться по-одиночке просочиться через стройные колонны супостата, либо надрать им уши прямо здесь, а под шумок тихонько покинуть эти обетованные места, оставив

победителя в недоумении-куда же подевались побежденные? Практически не сговариваясь, приняли второй вариант и рассыпались по местам, распределяя сектора обстрела. Боб полез в кабину маленького крана, Чека без раздумий удобно устроился напротив широкого проезда между контейнерами, остальные- по разумению. За спиной-море, впереди-джентльмены, которым нужно надавать по шее. Все ясно. А вот и они. Самые смелые и бесстрашные. Да. Толпа большая. Здесь похоже, не меньше роты, быстро выскакивающих из машин и рассыпающихся за укрытиями.

Дружно ударили. Чук бил из гранатомета с видимым удовольствием, отмечая каждое попадание, и что-то громко крича. Гулкие выстрелы Боба снимали отдельных личностей, особенно сильно размахивающих руками. Чека, снеся первую цепь практически всю, поливал всех остальных, не давая высунуться. Остальные стреляли редко, поджидая атаки и экономя патроны. Наконец-дождались. Видимо джентльмены не поняли с первого раза. Ну что же: повторение -мать учения. После второго штурма, пространство перед обороняющимися было завалено телами. Самый смелый лежал в десяти шагах. Однако и им атака обошлась недешево. Чук получил пулю рикошетом в бестолковую башку и только стальная каска-шлем спасла его. Теперь он лежал спокойный и бледный, из ушей и носа стекали тоненькие струйки крови. Боб, уже слезая с крана, получил очередь, две пули застряли в правом бедре. Крови почти не было, только маленькие дырочки, кость, похоже, цела, но наступать на ногу он не мог. Морщась и ругаясь, он набивал магазин винтовки. Один Балаган суетился, как ребенок вокруг новогодней елки, что-то делая на скорую руку. Достал из своей бездонной сумки проводочки, батарейки, пластилин, пассатижи, что-то скручивая, соединяя и тихо смеялся про себя. Так что Чека, усомнившись в здоровье, пощупал его грязный лоб и что-то хмыкнул.

Джон сидел, тупо уставившись на босую правую ногу, в голове звенело и зайчики еще летали перед глазами. Близкий взрыв гранаты сорвал с него ботинок, с которого начисто срезало каблук, и не зацепив ни одним осколком, стукнул головой об ближайшую железку. Теперь он никак не мог сообразить, как эта хитрая обувь одевается на ногу, а если не на ногу, то куда?,пока видевший его тяжелый умственный труд, Феникс не надел на него исковерканный ботинок, привязав его обрывком провода. Вернулся Балаган, заляпанный кровью и грязью, бормоча про себя что никогда бы не подумал что здесь живут такие невежливые и можно сказать, грубые люди, и что он огорчен, просто, до глубины души. Попутно и как бы вскользь заметил, что можно сматываться не торопясь, местность у него, мол, под контролем. Боб хмыкнул и спросил, как всегда вовремя,: «Где ты был со своим контролем полчаса назад?» Быстренько собрались, уходили бегом. Боб, делая страшные глаза и стараясь не заорать, между Балаганом и Фениксом-скакал на одной ноге, Чук-очухавшийся, но не пришедший в себя окончательно, вместе с таким-же Джоном топали следом неровными шагами, спотыкаясь и поминутно падая, прикрывал всех Чека, бодро посылая очереди во всех кого видел и не видел. Подбежав к пирсу, упали, отдыхая. Множественное эхо взрыва, большой столб пламени и грибообразное облако собирающееся в небе над портом, увидели они там, откуда только-что пришли.

Взрывная волна была ужасна; многие ящики и контейнеры были сброшены в море, куски рванного металла и горящие обломки пронеслись над головами. Их защитил бетонный парапет пирса. Все с недоумением посмотрели на виновника торжества. А тот светился, как кремлевская елка, излучая радость и счастье. Шальная мысль «Может, этот мамин сын сделал маленькую атомную бомбу и сейчас-же ее испытал?» -посетила головы присутствующих. Балаган, видя все суровевшие взгляды и судорожно сжатое в руках оружие, как-то сник: «Там цистерна стояла... – начал он неуверенно, – я ее немного усовершенствовал, в общем, получилось даже лучше, чем я думал, там еще имитатор ядерного взрыва... ну на учениях... помните?» От сердца отлегло, заулыбались. Хлопнув его по плечу, Феникс, торжественно пожал ему руку. Большой награды Балаган и не ожидал, особенно ценно от Феникса вечно ворчащего и чем-то недовольного.

Чека, тем временем волок большую резиновую лодку с навешенным сзади мотором, на вопрос-«где взял» ответил-«купил», кивнув вдоль пирса. Там болтался маленький катер со снесенной теперь надстройкой-«там у борта». Моментально разобрались кому-что: Балаган-на катер, Боб, Чук, Джон-в лодку, Чека-в нос с пулеметом, Феникс-за мотор. Завелся двигатель катера и он направился к выходу в море. Теперь все радары его засекут и каждый, уважающий себя джентельмен, сочтет себя просто обязанным выпустить вслед катеру весь наличный боезапас, а на лодочку в суматохе, никто и внимания не обратит, мало-ли их тут болтаются. Мотор завелся с третьего раза с помощью длинного шнура и еще какой-то знакомой женщины легкого поведения, которую кстати вспомнил рулевой. Балаган спрыгнул в лодку уже когда отошли метра на два от берега. Феникс дал газ и берег, в ярких огнях пожара и клубах дыма, медленно пополз за корму. Ну Феникс-правь. Ты теперь у нас великий кормчий. На тебя вся надежда. Россия еще ждет нас, и мы вернемся!

Глава 3

«УМЕЮЩИЙ ПОБЕЖДАТЬ НЕ НАПАДАЕТ»

ЛАО ЦЗЫ

К утру, что называется чуть свет, устав от бесконечного вычерпывания кепкой воды из лодки, мокрые и грязные, замерзшие от свежего ветерка, срывающего пену с волны, наконец, благополучно высадились, почти там где хотели. Километров шесть в темпе, чтобы согреться, и можно сказать - дома. Немного «почистив перышки», в полной боевой-предстали, для доклада, перед комбатом. Еще на подходе к базе, заметили: какие-то части спешно высаживались, другие грузились на корабли. Суета. С устатку, не сразу сообразили, а когда сообразили – разбираться было поздно. Выложив все без утайки отцу-командиру, ждали высочайшего решения. Комбат потер небритую щеку ладонью, крикнул, вроде как с досады и разразился длинной речью, достойной военначальника такого ранга. Только к концу речи удалось вникнуть и понять, что большая часть сыр бора из-за них. Задействованы такие высокие эшелоны, что если поглядеть – шляпа упадет. «Короче, мужики, – закончил свою речь комбат, – быть тише воды, ниже травы». Ну что же и на том спасибо. Могло быть, наверно, и хуже. Зато теперь есть день-другой на отдых, по крайней мере в это верится. Еще нужно найти замену ребятам, хотя равноценную – вряд ли. Зашли на склад и под причитания и ругань начсклада, сдали ему все что осталось. Видя бешенные глаза и побелевшие костяшки кулаков, начальник не решился развить свою мысль о том, что нужно сделать с теми, итог теряет вверенные ему фонарики.

Все шестеро молча сидели под той же стеной на кирпичах и курили. Прошли сутки с небольшим, вроде бы ерунда, но эти сутки, как тысяча лет. И вернувшиеся обратно сейчас чувствовали себя абсолютными дураками. Говорить не хотелось, от сигарет-только горечь во рту и противно на душе. Да, ребят не вернешь. Жизнь идет дальше и живым нужно жить. А здесь, чтобы жить, нужно выжить. Остаток дня прошел в никому не нужной суете. Вечером в разбитом, засыпанном мусором подвале появился новый человек. Заметил его глазастый Балаган, шлявшийся, как обычно, по помойкам и пополняя свою бездонную сумку. Там же он встретил парнишку, который собирал непонятого назначения прибор, покачивая лысой головой, повязанной платком, и цокая языком от удовольствия. Из путанных объяснений Балагана было ясно, что самые нужные вещи и люди встречаются только на помойках и что он лично гарантирует «насчет лысого». Конечно, гарантии Балагана стоят немного, как уже известно, но проверить не мешает.

Примерно через час с помощью кучи хлама из проводов, ламп, каких-то схем и непонятных слов, скорее всего матерных, Джон с удивлением услышал в трубке голос матери. Мать он не слышал уже давно, а не видел и того больше. Растерявшись, смог только сказать: «Здравствуй, мама. Это я.» Мать что-то спрашивала, говорила и вдруг, замолчав, спросила: «Ты где, сынок?» Что ей сказать? – «мама я жив... здоров... не волнуйся... все нормально...» Мать, сердцем почуяв недоброе, заплакала в трубку, что-то говоря сквозь слезы. Джон, может быть, впервые в жизни почувствовал себя подлецом. Сказать матери ничего не мог, не имел права, да и будет-ли ей от этого легче? Не сказать ничего? Так тоже не мог, представив ее худенькие плечи, вздрагивающие под шалью, седую голову отца, прильнувшего к телефонной трубке с другой стороны, щека к щеке с матерью. В горле – ком, в груди сдавило. Смог только выдать из себя: «Я вернусь, мама! Вот увидишь, я обязательно вернусь». – и рывком оторвал трубку от уха, понимая чего стоят его обещания и сколько их уже давали до него. Ну Лысый, я тебе сейчас! Предупреждать надо. Балаган повис на руках, не дав добраться до виновника. Обессиленный Джон сел, постепенно отходя от накала. После третьей подряд сигареты сказал: «Ладно, посмотрим на что ты сгодишься, можешь бросить шмотки там, в углу». Лысый, пожав

плечами и бормоча что-то про неблагодарных людей, кои нет-нет да встречаются-исчез в углу подвала вместе с Балаганом. Там они сейчас же стали хвастаться друг перед разными, на их взгляд, незаменимыми вещами. Ближе к ночи собрались почти все, кроме Боба-тот на корабле в медсанбате. Ему все завидовали. Повезло же, валяется на чистых белых простынях и к девчонкам пристаёт. Хотя насчет девчонок-зря. Корабль военный-все мужики. Не было только Чеки.

Тот появился ночью, слегка пошатываясь в сопровождении неизвестного. Последний был тоже пьян, но на ногах держался крепко. Он и привел Чеку. Утром, чуть свет, в дополнении ко всему, выяснилось, что Кир-так звали неизвестного, еще и обладает непревзойденным чутьем. Когда Джон, высунувшись по пояс из окопа, разглядывал в бинокль развалины, Кир внезапно резко и неожиданно что-то крикнул ему, так что Джон чуть не упал с подставки и уже было повернулся, дабы поставить вопиющего на место-не гоже отвлекать командира от самого что ни на есть командирского дела, и тут-же слетел на землю, сбитый, как ему показалось, ударом толи кулака, толи палки в грудь. К нему подскочили, но он уже пытался встать сам, кашляя и выплевывая кровь. На груди по касательной, была здоровенная дыра по всему бронжилету. «Лифчик» со сменными магазинами был сорван и валялся в пыли. Первым сообразил Чук-снайпер! Вот где не хватало Боба. Что ни говори, а дурацкий вопль Кира спас Джона. Снайперская пуля прошла бы его насквозь, если бы не попала вскользь.

Ближе к завтраку, утрясая все дела, уверились, что эти два новых парня им нужны. Тем более, что их послужные списки были весьма впечатляющи. В ЧОН оба уже два года-профессионалы. Комбат только крикнул, узнав обо всем. Потом положил поверх бумаг свою лапу и крикнул еще раз. Это и было решение. И тут-же не откладывая, приступил к делу, как-бы между прочим-тут надо бы одному плохому парню по шее надавать... это очень серьезное начало. Видимо паренек еще тот, раз командир не уверен-короче, ты по железкам мастер-тебе с ним и разбираться. Завтра утречком, на берегу, в заливе». С этими словами комбат достал из под ящичков два меча-короткий и длинный и подал Джону. Из последующих объяснений выяснилось, что нужно рубиться на мечах с представителем какого-то там клана и что если наша возьмет, то и всегда брать будет, а если нет, то все равно наша возьмет. Но честь мундира обязывает русских выставить своего бойца перед решающей потасовкой. А если все обойдется удачно, то возможно, потасовки вообще не будет. А это уже серьезно, это значит, что многие парни смогут выполнить свое обещание матерям и вернуться.

Притащив железяки с собой и немного покрутив в руках, вспоминая что и как делается, выложил ребятам что требуется. Решили дружно, в один голос, что пойдут все. Не то чтобы сильно помогать, а из чистого недоверия, дабы прикрыть спину бойца и обезопасить его тыл. Остаток вечера и половина ночи ушла на тренировку. Очень важно было было почувствовать меч как продолжение руки, ну и конечно, что бы руки тоже шевелились не как попало. Ближе к утру, совершенно измученно Джон завалился немного поспать, почти уверенный в себе как в великом бойце на мечах. Снов не было и казалось, только закрыл глаза-уже слышен голос Чеки-пора. Цепочкой вышли к заливу. Как раз напротив рейда наших кораблей был небольшой залив длиной километра полтора и шириной с полкилометра. Скалы закрывали берег от ветра и создавали ощущение уюта и тишины. Что еще нужно: солнце, теплый песок, ласковое бархатное море. Расположились в самом начале залива на камнях. По условиям-противник будет с другой стороны. Лысый уверял, что как минимум два эсминца держат залив на своих радарах, а возможно и на дальномерам прицела. Ну что-же, может быть. А еще может быть, на одном из них сидит однокашник Джона-Сашка и может быть, именно он держит ногу на педали залпа. И его нога, как мерило спокойствия и тишины в заливе. Залп ракетной установки не оставит здесь камня на камне. И скалы вокруг него наверно рухнут тоже. Но тем кто окажется там в момент залпа это будет уже не интересно. Все может быть.

Сейчас для Джона все это было не важно. Есть одно «золотое» правило-надейся только на себя Вот он и надеялся. Только как-то на душе было беспокойно. Слишком много неизвестных. Вроде как кота в мешке покупаешь. Кто знает кого там выставят? Наверно не самого худшего. А про себя Джон точно знал, что он-то далеко не лучший. Может быть и не худший, но, то что не лучший это точно. Ну неужели никого другого нет? Почему ему всегда больше всех достается? Конечно такое доверие начальства льстит, но по большому счету-ну его к черту, это доверие. Хотя конечно-игра стоит свеч. Такие мысли шевелились в стриженном затылке, пока их хозяин крутил два меча, выполняя восьмерки и круговые удары для разминки. Да, пожалуй, дайто-длинный меч-тяжеловат и немного не по руке, зато шото-короткий меч-как здесь и был. Минут через двадцать на другом конце залива показались люди. Все, жребий брошен и отступать некуда. При ближайшем рассмотрении это оказалась довольно многочисленная группа всадников, около сотни, одетых в разномастную одежку. На конях они сидели лихо, да и вооружены солидно. Тут и пара пулеметов и гранатометы. Сотня подскакала с уханьем, свистом и криками метров на двадцать и замерла. Из-за лошадиных крупов и спин медленно вышел невысокий, крепко сбитый, поджарый паренек, как показалось на первый взгляд. Когда он подошел ближе, стало понятно, что ему, пожалуй за сорок, а то и за пятьдесят, но хорошо сохранился, стервец! Такие противники самые опасные- они много знают о рукопашном бое и еще больше умеют, но выкладывать все свои козыри не торопятся. Он остановился метрах в пяти от Джона и стал снимать куртку, разматывать тюрбан, складывая все это за спину. Его торс, весь перевитый узлами мышц покрывали множество старых шрамов заставлял задуматься о многом. Сзади все сразу примолкли. Джон понял, что его противник предлагает ему биться на смерть. Это древний обычай, когда противники обнажаются до пояса и рубятся до победы.

Снимать куртку Джону не хотелось. Еще-бы, в ней вшито столько хитрых железок, что пожалуй, можно было заблокировать удар меча предплечьем. А продольные полосы, вшитые в куртку по бокам и спине предназначались для защиты хозяина от рубящих ударов. Прочее железо тоже было не лишним. К тому-же, снимая куртку он терял, наверно, две трети своего арсенала. Однако, подумав, решил все-таки снять и поддержать джентльмена в его благом начинании, иначе арсенал может просто не пригодиться. Ведь в нескольких шагах без малого сотня плохих парней и все они желают одного- скорейшей его смерти. Бросив куртку на песок и незаметно выбросив за спиной автоматический пистолет, почувствовал себя почти голым и беззащитным.

Буквально с первых движений противника, Джон понял, что перед ним мастер. Его изящное, отточенное мастерство владения двумя кривыми арабскими саблями заставило завороченно восхищаться легкостью и быстротой мелькания смертоносных лезвий. Они как будто живые-сходились и расходились, разлетались в стороны и вдруг замирали вместе, устремляя острые концы в одну точку сверкая на солнце Передвижения бойца четкие, отточенные, верные, ничего лишнего. Он действовал как хорошо отлаженная машина без раздумий и промедления. Джон уже секунд через тридцать боя взмок, по ребрам тянулась длинная царапина, левая скула наливалась синевой от удара правой гарды сабли противника. Да, похоже теперь не выпутаться. Джон не успевал уследить за его перемещениями и вовремя среагировать, а движения сверкающих лезвий он вообще не все видел. Это очень плохо. К концу первой минуты штаны на уровне правого бедра были разрублены, хорошо, что лезвие наткнулось на хитрые железяки в бедренном кармане, а не то бой был бы уже закончен. Однако и противник стал осторожнее после того как Джону удалось его подсесть и зацепить левое плечо длинным мечом. Но рана на супостата не произвела никакого воздействия. Он стал еще быстрее двигаться и чаще наносить круговые удары, одновременно включив веерную защиту, за которой он был совершенно не достигаем. Джон уже еле держался на ногах. Правый ботинок был разрублен по подошве, левое плечо онемело от удара клинком плашмя. Видимо приятель решил поиграть

с ним, что бы потом закончить красиво и эффектно. И ведь закончит! Нужно было срочно что-то делать, но что? Он еле успевал отбивать железо то от лица, то от ног, то слева, то справа. Мыслей не было. Желание убить терялось перед сверкающим веером лезвий, оставалось желание выжить, но и это пока не получалось. Пытаясь достать вражеское колено, Джон «провалялся», тот словно все рассчитал заранее, с разворота нанес удар сразу двумя саблями в голову и бедро. Чтобы заблокировать сие коварство, Джону пришлось бросить «шото» в песок и в низком уходе назад заблокировать нижний удар длинным мечом одновременно пропуская верхний над головой.

Мастер есть мастер. Уже пронеся правую саблю над головой Джона, он ее вернул и ударил тупой кромкой в плечо сверху вниз. Правая рука Джона повисла плетью, меч выпал из враз ослабевших пальцев. Еще не поднимаясь он понял-это конец. Игрушки кончились. До куртки с оружием метров пять. Пусть даже он успеет и свалит этого воина, но остальная сотня ему тут-же это напомнит, а за его спиной еще семеро ребят и их сметут заодно. А потом будет залп эсминца и этого будет вполне достаточно для всех присутствующих. Значит зря он обещал матери вернуться-не получилось. Прости мама. Может быть у кого-то другого в другой раз. Супостат стоял напротив и, опустив сабли, смеялся. Смеялся громко, скаля белые зубы, четко выделявшиеся на смуглом лице.

В полуметре от ноги Джона торчал «шото». Он медленно вставал, как бы устало, перенося вес тела на левую ногу. Бросок короткого меча снизу-вверх противник, пожалуй, и не видел. По крайней мере не ожидал, иначе бы успел среагировать, и сейчас он уже лежал с пробитым навылет горлом, хрипя и выплевывая с кровью последние слова. Хорошо смеется тот... Все. Бой закончен.

Джон устало сел не поднимая головы. Все тело болело, в глазах красные круги, в голове полная пустота. Хотелось и кричать и плакать и смеяться одновременно. И все еще не верилось в победу. Хотя-победа! Над кем? То, что получилось-это случайность, везение. Но оно, это везение, не всегда будет с нами. Это победа, больше, над собой, над своим страхом, над своим дурацким самомнением. Слава богу, что все обошлось, но в следующий раз может уже так не повезти.

Всадники молча забрали своего и, перевесив через седло, медленно развернулись и шагом пошли к дальнему краю залива. Сзади подошли ребята и тоже молча сели рядом. Как будто и они отдали все силы этому бою. И дай бог-последнему. Ну что же, не опозорили Россию. И видимо уже не опозорим никогда. Все мы можем, все умеем, а вот это – не судьба. Запомни нас Россия злых и усталых, таких, какие мы есть.

Глава 4

*«НЕПРИЯТНОСТИ – ЭТО НЕ САМОЕ ХУДШЕЕ,
ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАМИ. ХУЖЕ ВСЕГО,
КОГДА С НАМИ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ»
РИЧАРД БАХ*

Все самые плохие вещи в жизни происходят в самые хорошие дни, когда ласково светит солнце, легкий ветерок обдувает стриженный затылок и появляются мысли очень далекие от реальности. Именно такой день и был сегодня. Подразделение специального назначения в количестве 8 человек сидело и полулежало в легком тенечке, на ветерке, так чтобы видеть море вдаль и катящиеся волны. Это так успокаивает.

Именно в эту пору далеко отсюда, примерно в за сотню километров в специальный тренировочный лагерь приехали люди. Их немногим более двадцати. Все мужчины, поджарые, загорелые, ловкие в обращении с оружием. Горланно горланя, загнали грузовик в гараж и расположились в специальных помещениях, более похожих на бараки. Приехавших дружно встретили. Их уже ждали три дня-дождались наконец. И хотя порядок здесь строгий-никакой выпивки, в этот вечер, дай бог, часовым устоять на ногах. Радовались и те и другие. Одни-предстоящему веселью, другие- тому что остались живы после всего происшедшего и что теперь они в безопасности среди если не друзей, то хотя бы приятелей.

При очень удачном стечении обстоятельств эти разные люди никак не могли бы встретиться. Но в такие хорошие деньки обстоятельства стекаются всегда неудачно. Именно поэтому уже через 10 минут все отделение спецназа стояло навтыжку перед комбатом и доблестно и дерзко выслушивало мнение отца-командира об этой ситуации, о начальстве и о личном отношении комбата ко всему происходящему. Пятнадцатиминутный монолог можно было выразить в двух словах-«все говнюки и в дерьме по уши».

В общем-то, это было не далеко от истины. Через неделю-смена. Вся часть уходит в Союз. По крайней мере, то что от нее осталось. А осталось не так уж и много. В ротах по 60—70 человек. И это-части особого назначения!! От приданной им части специального назначения, предназначенной для выполнения самых хитрых и опасных заданий-и того меньше. В вышеупомянутом отделении тоже были потери, но сейчас они снова были в полном составе. В связи с тем что людей не хватало-они тоже сидели в окопах, ходили в разведку несли дозор и делали прочие нужные но скучные вещи. По меткому выражению Кира-нового члена команды-забивали микроскопом шурупы (в принципе -их нужно завинчивать).Видимо иначе их использовать на могли. Что и говорить-мудрое решение. С другой стороны-меньше риск, больше шансов вернуться.

Хотелось чего-то другого, не так что бы очень, но все-таки. Не все это бездумное выполнение чьих-то приказов и распоряжений, в том числе и дурацких, а какая-то относительная свобода решений и поступков. Чувство постоянной опасности обостряет все мысли и чувства и является своего рода наркотиком. Именно тогда человек ощущает себя человеком. Никто не хочет рисковать просто так. Риск ради риска-это для дураков. Как говаривал Джон-командир этого сборища талантов специального назначения-всякий риск должен быть оправдан на все 100%, иначе ни к чему рисковать своей шкурой. В конце комбатовского монолога Джон и все присутствующие уяснили, наконец, что им представляется отличная, можно сказать героическая возможность отличиться перед Родиной. Более того, если все будет удачно, то этим можно очень сильно помочь развитию международных отношений...Комбат нес подобную чепуху еще минут пять затем, как-то враз посерьезнев, поглядел на замполита и сказал: «Ребята, очень прошу- нужно. Сделайте это для меня.» Какой разговор?! Если отец-коман-

дир просит-каждый сочтет за честь лично надрать уши плохим парням и геройски сложить их головы у ног комбата. Но в данном случае дело было куда сложнее. Нужно было группой незаметно высадиться за 100 километров, у черта на рогах, надавать всем по шее и так-же незаметно исчезнуть. Конечно это дело только для спецназа. Тем более, что их команда уже отличилась однажды. Ее помнили и свои и чужие ну. а то, что они находились ближе всех к цели-решило дело.

Выйдя от комбата и собравшись все в том-же тенечке молча закурили. Молчали до тех пор, пока в головах не забрезжило решение задачи. Откладывать решение некуда. Вылет вечером и если они не выполнят эту задачу, то сюда не вернуться. Скорее всего они вообще не вернуться. Общее впечатление выразил Чека – пулеметчик:-«Дождались!» и смачно плюнул. Задача выглядела не слишком страшной. Прилететь, быстренько победить ушастых фраеров, битком набитых на территории чуть больше 100 квадратных метров и так же быстренько улететь. На все про все 3 дня. Но как было известно из предыдущего опыта, как раз здесь и была собака зарыта. Скорее всего лагерь с нехорошими парнями охраняется: караулы, дозоры, патрули.... Система охраны пока не известна. Вооружение тоже пока не ясно. Одно верно-тяжелого вооружения у них нет. Но есть неплохая система ПВО, с ракетными установками «РЕДАЙ» класса земля-воздух. Значит близко не подлетишь. Придется топтать ножками. А это уже дополнительные сложности. Ночью еще куда ни-шло, а днем в этой пустыне-пекло.

К вечеру, попив водички и попрыгав на дорожку-залезли в вертолет все восемь. Чека-пулеметчик, Балаган-подрывник, Боб-снайпер, Лысый-связь, Кир-стрелок, Чук-гранатометчик, Феникс-умеет все и Джон-пытающийся управиться с этими «звездами первой величины». Впрочем, авторитет его был непререкаем. Вертолет взлетел и взял курс вглубь страны, рядом в 20 метрах шел второй вертолет-прикрытие. Тяжелый, хорошо вооруженный К-50 «Акула». Вертушка по достоинству оценена всеми, кто ее видел в деле. Экспериментальная штука. Феникс, поглядев на почетный эскорт, только хмыкнул. Все ясно без слов.

От мысли о предстоящем легче не стало. Солидность «Акулы» не способствовало оптимизму. Когда оставались считанные минуты лету, внезапно, снизу из-за бархана ударила длинная пулеметная очередь. Вертолет шел на бреющем, скорость приличная, но все-таки зацепило. Машину стало бросать в стороны. Внизу уже была колонна техники. Стреляло все, что могло стрелять. В те несколько секунд, которые машина висела над головами супостатов, ее успели превратить в дуршлаг. Ясно, что лететь дальше не придется, отлеталась птичка. Сзади методично ухало и стучало. К-50 добрался до джентльменов и они быстренько поняли, что этот странный, хмурый, узконосый вертолет совсем не подарок. Буквально через 10 минут они в этом окончательно убедились, разбегаясь кто-куда от горящих автомашин и маленького танка со свернутой набок башней.

Тем временем десант относительно благополучно приземлился. Относительно потому, что высадиться успели, но вертолет сторел. Большую часть барахла успели вытащить. Сгорел весь провиант, осталось только то что в «НЗ» и во фляжках. Один летчик был ранен и теперь лежал на песке тихо постанывая, пока Кир обматывал его голову и правую руку бинтом. Лысый, тем временем, привязывал к его щиколотке обломок какой-то железки, то и дело попадая железом на торчащую из разорванной штанины белую кость. Что и говорить- отличное начало. Теперь точно приехали. В подлетевший К-50 погрузили летчика, второй поместился за креслом пилота. Вертолет ушел. Остались одни. До цели чуть меньше 20 километров. Воды-мизер и сухие, соленые галеты в «НЗ». Замечательно! Ну почему всегда так «везет?!» Теперь варианта два. Либо занять круговую оборону и вызвать вертолет, вернуться и молча развести руками – не смогли. Либо все-таки добраться до цели и постараться выполнить все что от них ждут. Немногословно каждый высказал свое мнение. Оно сводилось к одному-быстрее уходить отсюда, а там решим. К утру-окончательно выбившись из сил прошли почти 15 километров, однако расположились с комфортом в тенечке одинокой скалы, метров 15 высотой. И пока

остальные блаженствовали в лучах еще не жаркого, восходящего солнца, Боб, обзывая всех некрасивыми словами полез на вершину со своей оптикой, дабы контролировать ситуацию.

А ситуация складывалась весьма паршивая. За ними по пятам шли остатки разбитой колонны. Вначале они нашли остов сгоревшего транс-портного вертолета и следы. И теперь шли упорно и неутомимо. Время от времени натыкались на хитрые штучки Балагана, тогда их становилось меньше и они отставали. Но в общем, шли уверенно и нахально. Стряхнуть их пока не удалось. И если дальше так пойдет, то обстановка обострится многократно. Впереди-нехорошие парни и сзади-небритые личности. Валяясь на песочке и покуривая сигарету, Джон усиленно размышлял, но в голову лезли какие-то непонятные мысли. Может от жары, может от усталости, а может от всего вместе. Конечно, если бы это происходило в тайге, Джон знал бы заранее чем весь этот зоопарк закончится и кто победит. Но здесь – мы в гостях. И хозяйева, похоже не очень нам рады. Идущие по их следам люди не круглые дураки и кое-что соображали. В вертолете 10—12 человек, покойничков не осталось. Значит преследуют они не меньше 10 человек и на меньшее они не согласятся, если им подsunуть пару-тройку отличных ребят. Хотя чем черт не шутит? Отвлечь, а самим врезать как следует, но это следует сильно обмозговать.

Привал кончился слишком быстро. Обед не скоро, а то и вовсе не предвидится. Время сейчас против нас. Редкая цепочка втягивалась в узкий каньон. Природа-погода здесь совершенно дикая – то пустыня, то скалы, то ущелья, поросшие по краям чахлым кустарником, ночью-холод, днем-жара. И народ-то тоже какой-то дикий. Ну ясно-«дети гор». Черт бы их всех побрал. Ближе к полудню «дети гор», скорее всего получив подмогу, стали нахальничать, разъезжая на джипах с пулеметами в пределах видимости. Идти ближе к лагерю было нельзя без риска напороться на патруль или дозор из лагеря. Чем занимались в этом лагере можно было только догадываться. Но видимо, занимались там нехорошими делами.

Если бы парни знали, что для выполнения их задания задействованы авианесущий крейсер и авианосец, американский кстат; что самолеты непрерывно барражируют воздушное пространство, что спутник-шпион несколько раз в сутки сканирует всю местность, досконально отмечая их передвижения. Что все военные силы страны приведены в боевую готовность. И если бы не видимая активность русских и американцев, нарушения воздушного пространства страны, множество мелких стычек везде, где только можно. И все это враз, в один день, то их бы давно накрыли и раздавили. Соответственно среди общего бардака и суматохи-ребята смогут сделать то, что от них требуется.

К сожалению все эти большие и очень могущественные силы не могли помочь этим восьмерым русским там среди скал и песка. Они там были одни. И решали свои задачи. И если они попадутся, спасти их никто не сможет, кроме них самих. Их рейтинг был достаточно высок, но бывают и выше. Хотя обычно такими делами занимаются специальные люди, которых для этого и тренируют. Но здесь, как говорится, на безрыбье и рак рыба, а в поле и жук – мясо.

Всего этого парни не знали и не должны были узнать никогда.

Тем временем Джон собрал ребят на выходе из каньона. Боб и Чека шли по верху каньона, прикрывая маленький отряд, пока остальные изображали из себя выючных ослов нагруженных тяжеленными железками. На коротеньком перекуре решили немного осадить обнаглевших мужиков. Сказано-сделано! Чук, Кир, Балаган – назад! Встретить! Остальные-вперед. Через полчаса первый джип с самыми сильными и смелыми высоко взлетел в воздух, громко бабахнув. Эхо взрыва покрыли трескучие очереди автоматов и выстрелы гранатомета. Воины аллаха рассыпались цепью и тут-же попали под очереди Чеки. Первые полегли, остальные – залегли. Урон они понесли изрядный. Скорее всего не ожидали такой наглости от горстки вояк. Но нарвались серьезно! Пока враги собирались с мыслями и затеяли перегруппировку с явной целью-атаковать до победы-виновники уже ушли достаточно далеко. И только праздничные

залпы отметили торжество. А когда обрушились скалы в узкий проход в каньон -явный почерк Балагана, к празднику добавились отчаянные вопли встретивших эту новость первыми.

Эта стычка не имела большого успеха, то есть не отбила у противника охоту преследовать. Более того, она являлась тактической ошибкой Джона, как непосредственного командира, ибо доказала противнику, что он имеет дело не с привидениями, а с людьми. Пусть пока более удачливыми, но людьми. Свое дело супостат знал хорошо. Для них война не прекращалась все время и длилась всю их жизнь. Опыта им было не занимать.

Отряд уходил скорым шагом, почти бегом. Прыгая по скалам и увязая в песке между ними. Шли резко забирая влево, обходя конечную цель с юга. Для чего-пока не очень понятно, только неясные предчувствия. Возможно, что-нибудь удастся провернуть хитрое. День к вечеру и дай бог вся эта суета достигла своей высшей точки и потом пойдет на спад, Но это вряд-ли. Похоже, все еще впереди и это была только разминка. Ночь здесь наступает мгновенно. И вот еще пять минут назад был день, а сейчас уже ночь... Эта ночь решающая. Нужно многое сделать за эту ночь. Вот поспать вряд-ли получится. Хитрость заключалась в том, чтобы выяснить систему охраны в лагере, заминировать его, сделать большой «бум» и завершить все контрольным прочесыванием территории с изъятием кое-каких документов из барака, помеченного на карте -блок «С». После чего благополучно отбыть восвояси. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Джон, Боб, Лысый и Балаган отправились на разведку, Чека и Кир залегли за камнями, дабы обеспечить достойную встречу преследователям. Чук и Феникс отправились прошвырнуться для решения вопроса о связи двух не связывающихся звеньев. Тех на кого они должны были напасть и тех, кто напал на них.

Из всей имеющейся информации, следовало что и те и другие не были связаны друг с другом, по крайней мере не настолько, чтобы испытывать друг к другу искреннюю любовь. И если получится столкнуть их лбами, то это будет очень интересно. Тогда им всем будет не до маленького отряда, Но как это сделать? Может быть что-то получится, а может и нет. Это было не самым главным сейчас, но могло стать очень существенным позже. А могло быть и так, что обе компании сочтут должным объединиться и тогда это будет очень плохо. Этого допустить нельзя. Для решения этого маленького вопроса Феникс и Чук сейчас ползли, прижимаясь к скалам, стараясь забраться в самое пекло. Между теми и этими. Имея невинную цель-кинуть яблоко раздора. Если их засекут, им никто не сможет помочь. У остальных свои задачи и проблемы. И этих проблем хватит каждому за глаза.

Из отведенных 3 суток оставалось меньше одних, и их нужно провести с толком. Командиры с той стороны рации не то чтобы сдерживали, но и не поощряли благие порывы. Решение зависит только от Джона, а он полагался на всех, и верил всем, как себе, хотя и был по природе человеком недоверчивым и даже, несколько подозрительным.

Феникс медленно продвигался к зарослям сухих колючек вдоль небольшой скалы, вслед Чуку, неслышно ступая по мягкому песку. Вдруг среди полной тишины и света низких, больших звезд где-то справа отчетливо щелкнул спуск предохранителя. Мгновенно среагировал, памятуя о том, что вслед за этим последует выстрел и в прыжке с перекатом вперед через голову вlepил длинную очередь на звук. Еще через мгновение Чук добавил веерную очередь из гранатомета. Ночь сразу ожила, заискрилась вспышками ответных выстрелов, коих было до неприличия много. И были они гораздо ближе, чем хотелось бы. Мало-помалу, оба были втянуты в бесполезную, убийственную перестрелку и медленно отступали к условленному месту встречи, не успевая сдерживать множество противников.

Кир и Чека тоже время даром не теряли. Чека занял господствующую высотку и контролировал ситуацию, Кир засел внизу на узкой тропе между двумя камнями. Его ожидание очень скоро было вознаграждено тем что в темноте мелькнули фигуры в темной форме. Впрочем, ошибиться было невозможно. Своих здесь нет. Его автомат 9 калибра, снабженный глу-

шителем и устройством для стрельбы в ночное и сумеречное время выдал порцию подарочков незванным гостям.

Выстрелов практически не было слышно, только клацанье затвора и легкий шорох катящихся по песку гильз. «Дети гор» беззвучно рухнули. Кир знал куда нужно стрелять. За ними последовали другие. Сменить позицию он не успел, да и выбора особого не было: или вперед, или назад. Слева и справа только скалы. Сменив магазин, Кир попытался отползти назад. Только начал устраиваться за ближайшим выступом, как громкие взрывы гранат возвестили о новом победном наступлении супостата. Осколок гранаты попал в каску-шлем, а взрывная волна отбросила к скале, больно стукнув об угол. В глазах Кира померкло и перехватило дыхание. В игру вступил Чека и его длинная, раскатистая очередь смела темные фигуры. Вмешательство было как нельзя кстати. Кир лежал на песке ничего не соображая и судорожно пытался вдохнуть, или, для разнообразия -выдохнуть. Получалось плохо, видимо нужно еще тренироваться. И тут он увидел мелькнувшую в проходе фигуру, потянулся было к автомату, но пальцы не держали оружие и оно выпало из безвольных рук. Подлетевший Чека, а это был он, видя такую картинку, воздержался от комментариев и бросив гранату вдоль прохода, схватил Кира и потащил прямо в еще не осевшее облако пыли.

Джон и Боб лежали в зарослях колючего чахлого кустарника в 20 метрах от ограждения лагеря, почти на границе света от прожекторов освещения. Балаган и Лысый уже были на территории. Балаган, как всегда, что-то там хитрил, рассовывая разные блестящие штучки по укромным местам, а Лысый лежал за бочками прива-лившись спиной к стене гаража и потел. То-ли от жары, то-ли от волнения, судорожно сжимая автомат. Мысленно, он страшно ругался на медлительность Балагана, но понимал, что быстрее вряд-ли у кого получится. Наконец Балаган вернулся. Теперь предстояло перейти на другую сторону лагеря и повторить процедуру с той стороны. Именно в это время неожиданно грянули взрывы и выстрелы там где остались ребята. Охрана всполошилась. Из домов выскакивали люди, на ходу одеваясь и проверяя оружие. Нужно было немедленно сматываться, чем они и занялись. Едва не попались, преодолевая колючую проволоку, когда луч прожектора скользнул по ноге Лысого, но слава богу – обошлось. С возможной скоростью подались в условленную точку встречи. Пока добрались, вся команда была уже там. Сие пространство представляло собой узкую площадку, возвышающуюся над окружающей местностью. Теперь настало время принятия решения. Что делать? Быстро сняться и уйти, проскользнуть, раствориться, исчезнуть в этих проклятых песках и скалах или что-то попытаться еще сделать. Но что? Все сразу пошло не по плану. пытаться что-то исправить? Но как? С одной стороны-регулярная часть, с другой-готовые к бою люди, которые оружие держат в руках не в первый раз, да еще за оборонительными сооружениями. Сила маленького отряда была во внезапности, И именно она-то и утеряна безвозвратно. Лезть напролом- верная смерть. Вступать в бой с войсками, имея за спиной ненадежный тыл? Тут вообще без вариантов.

Трудно сказать, что могли-бы приказать командиры с той стороны рации, но их не спрашивали. Наверно некогда было. Поэтому за сотни километров от этой негостеприимной пустыни многие и многие, кто верил и надеялся на этих парней ломали головы-что им сказать. Но беда в том, что их не спрашивали! Однако эти люди не привыкли ждать. Приказ был отдан. Через считанные минуты в воздух поднялись машины, взяв курс на юг.

Джон подвел итог, выслушав каждого, -бой. И возможно, он будет им дорого стоить, но все равно -бой. Ну что-же решение принято. Главное не попадаться. Даже мертвым. Именно поэтому на поясе у каждого висела граната. Граната-неразлучница. Она привешивалась к поясу перед выходом на задание и снималась после, если снималась вообще. Кир, Чук, Чека расположились так, чтобы встретить парней в черной форме во всеоружии, по крайней мере так, чтобы им мало не показалось. Боб, Феникс, Балаган -на вас лагерь, Лысый -связь. Через две минуты, доложив о принятом решении, узнали о неожиданной подмоге и о месте встречи с этой

самой подмогой. Но это все- прикрытие. Задание должно быть выполнено силами отряда. Все остальное-потом. Но вот будет-ли оно это потом?

Тем временем «джентльмены» нахально атаковали. Джип вылетел на дорогу ведущую к лагерю метрах в 100 от колючей проволоки и в 150 от Боба. Для него это вообще не расстояние. Почти одновременно прозвучали два выстрела. Упал охранник с вышки и ткнулся лицом в стекло водитель джипа. После очереди Чеки из машины выпали еще два бойца. Учтивая, что вокруг стреляли все, кому не лень, причем в основном вслепую. то такой исход был вполне вероятен. Однако, те ребята что ехали в «бронике» за джипом поняли ситуацию однозначно: перед ними неизвестное поселение с вышками и пулеметами, причем последние стреляют по ним. Очередь автоматической пушки ударила в вышку и разметав её, перешла на здания. Там тоже не дураки сидели и через 1—2 минуты вlepили из гранатомета. Правда ракета не долетела метра два и разорвавшись, особого вреда не причинила, но основного эффекта достигла. Пехота за бронемашинной залегла, открыв беглый огонь. Отряд уже не видел концовки этой благодушной встречи, потому-что бежал сломя голову, обходя лагерь справа. Вокруг палили все виды оружия и только чудо спасло отчаянные головы и помогло им выскользнуть из кольца. Чудо, ну и конечно умение.

Преодолев проволоку почти в середине периметра, дружно и нахально ввалились на территорию базы. Такого нахальства от горстки неизвестных воинов не ждали. А если и ждали -то прошляпили. Сразу же устремились к злополучному блоку «С». Пробились удачно. Внезапность, нахальство и стрельба со стороны скал здорово помогли. Угол здания уже горел, поэтому освещения хватало. Автоматная очередь и пинок ноги в дверь послужили универсальной отмычкой всех замков. Джон влетел в помещение на ходу снимая специальный ранец для бумаг. Ребята расположились у входа, прикрывая Джона. Набивая ранец пачками бумаг Джон не переставал удивляться, кому нужна эта макулатура?! Будем надеяться, что стоит наших усилий.

Краем уха он услышал, вернее почувствовал движение справа и тот час рухнул на пол. Над головой пронеслась очередь, разбивая ящики с бумагами. Джон сгруппировался и прыгнул ногами вперед на звук. Попал удачно, обоими ногами в живот супостата. Его автомат отлетел в одну сторону, а сам он рухнул в другую. Вскочив, Джон увидел в 2 метрах от себя небритого джентльмена с огромным тесаком. Длинные волосы на голове сплетены в косу на затылке. Ну прямо-настоящий индеец. Отблески огня тускло отражались от длинного широкого лезвия. «Ты молодец, парень- сказал Джон-«вот только время выбрал неудачно». Два выстрела из пистолета заставили врага отказаться от поножовщины.

Теперь, в более спокойной обстановке, Джон набил ранец доверху. Он удобно лежал за плечами, для этого он и был сделан. Вывалившись из дома он увидел нечто похожее на бой на мясорубках. Ребята отбивались от самых сильных и смелых, наседавших со всех сторон. Грохот стоял несусветный. Командир однозначно махнул рукой в темноту. Все! Уходим, а точнее -бежим, но не куда глаза глядят, а туда за сопки. Туда придет вертолет. Он-то как раз и нужен сейчас больше всего. Из-за угла показался Чека, тащивший на себе Кира. Тот пытался изо-всех сил сам переставлять ноги, но получалось плохо, видимо еще тренироваться нужно. Левая половина головы представляла собой вспухший кровоподтек с еще сочившейся кровью. Чека ругался на чем свет стоит. Подхватили Кира под руки и понесли. Чук и Чека прикрывают. Остальные-вперед. Вырвавшись за периметр, продолжали бежать вразброд в пределах видимости. Слышно было только тяжелое дыхание и выстрелы за спиной. Первый взрыв мины был неожиданным, хотя и не прицельным. Только Джон как будто споткнулся и пролетев метра два, тяжело упал лицом вниз. Широко открывая рот пытался вдохнуть и не мог. Удар в спину, сбивший его с ног, был силен. Ноги, руки не слушались. Вдох получился только когда перед глазами уже пошли зеленые круги. Осторожный и свистящий сквозь зубы. Балаган очень не учтиво схватил командира за шиворот и поволок вперед. Сам Джон встать не мог, вернее

не успевал так быстро переставлять ноги. И сказать об этом Балагану тоже не мог, не хватало воздуха. И вообще он был похож на большую рыбу вытасненную из воды, по пути в садок. Еще несколько мин с характерным хлопком разорвалось в стороне. Впереди бежали Лысый и Феникс когда между ними разорвалась мина. Лысый рухнул как подкошенный, Феникса взрывная волна перевернула в воздухе и он тяжело упал на бок. Балаган бросил командира, уже пытающегося самостоятельно удержаться на ногах и рванул к Фениксу. Феникс лежал неловко на боку с поджатой рукой, ниже левого колена болтались ошметки штанов, густо пропитанных кровью, стопа неестественно выгнута и видна белая кость. Балаган занялся раной. Вколол из аптечки промедол и несмотря на режущий слух хруст выправил ногу, то есть поставил ее ровно, на его взгляд. Из 4 -х шомполов соорудил нечто твердое к чему и прибинтовал ногу остатком бинта и разорванной тельняшкой. С Лысым дело обстояло похуже. Правая половина спины и живота были в крови, Сам он лежал бледный и еле дышал. На него ушли все индивидуальные пакеты. Больше ему помочь ничем не смогли. Боб и Чека задержались чтобы отблагодарить супостата за меткие выстрелы. Кир шел сам, но почему-то заваливался на бок через каждые 10—15 метров. Тоже проблема. Феникса и Лысого несли на руках.

Ситуация изменилась круто и сразу в худшую сторону. Теперь оставшиеся поняли, как они уязвимы и зависимы друг от друга. Что теперь делать с ранеными на руках и оравой преследователей на пятках? Если бы Лысый мог говорить, он бы сказал что вертолеты будут с минуты на минуту, это как-то разрядило-бы обстановку, но он молчал, хрипло, со свистом втягивая воздух. На очередной сопке Джон сказал-«все, дальше не идем-смысла нет. Боб, удержи их пока мы тут разберемся». Боб уполз со своей СВД и вскоре послышались его одиночные, гулкие выстрелы. Да, похоже приятели были слишком близко. Балаган уполз ставить сюрпризы у подножия сопки. При тусклом свете низких звезд Чук разглядел в ранце Джона рваную дыру и обрывки бумаги. Вроде-как осколок мины. Но бумагу толщиной почти 30 сантиметров, да еще под острым углом пробить ему не удалось. Конечно, не будь этой макулатуры, был-бы другой разговор. Кир совсем заглохел, лежал бледный и тихо стонал. Чека объяснил, что достал его из рукопашной свалки, где он косил врагов налево и направо, но и ему перепало изрядно; общий счет состязания был все-таки на его стороне.

Феникс лежал тихо и похоже, спал. Повязки Лысого набухали кровью. Но больше ребятам помочь было нечем. Значит осталось пятеро против всех. С тихим шорохом появился Балаган. Его чумазая рожа уже не улыбалась. Молча лег, выставив вперед ствол автомата. Позже появился Боб, сообщив, что у него последняя обойма и лучше -бы ее растратить с большей отдачей. Лежали молча и ждали. Ждали всего, кроме хорошего. Наверняка их везение на этом закончилось. Даже когда Джон вспомнил пару старых добрых анекдота, для поднятия духа, никто не улыбнулся. Внезапно вспыхнувший фейерверк в низине показал, что самые любопытные уже нашли маленькие игрушки Балагана, и теперь при свете осветительных ракет сигнальной мины и бодрящего душу завывания разлетающихся зарядов, видны были как на ладони.

Иллюминация удалась на славу. Балаган даже не улыбнулся, когда первые нападавшие полегли благодаря его заслугам. Хмыкнул только сквозь зубы-то-ли еще будет. И действительно, дальше началось интереснее, так что ничего не оставалось, как только разинув рот от удивления, смотреть на этот спектакль. Похоже режиссер вложил в постановку всю душу и всю свою бездонную сумку. Зрителям очень понравилось. Правда не всем. Возможно что-то и было от плагиата, но обвинять в этом «кудесника» никто не решился. Общее впечатление осталось хорошее. За всеми этими эффектами, грохотом и криками восторженных почитателей, не сразу заметили две тоненькие ниточки трассеров, тянущихся к базе прямо с неба. На ночном небе не было видно «вертушек», только гул. Однако гул становился громче и вскоре накрыл их как туман, превратившись в шум винтов. Вот ты где родной! Ведь все глазоньки проглядели, все ушки прослушали. Транспортник садился в 10 метрах.

Как только последняя нога обутая в солдатский ботинок оторвался от земли-машина была в воздухе. Расположились прямо на полу-не до комфорта. Все, мы дома! Эта корзина с гайками-часть общего большого дома, куда хотел попасть каждый. Теперь от них уже ничего не зависело и можно расслабиться и стряхнуть напряжение последних дней. Остальное от мастерства пилотов и от бога. Минут через двадцать полета, пилот выглянул из кабины с удивлением осматривая всю честную компанию. Поглядеть было на что.

В середине лежал раненый весь обмотанный пропитавшимися кровью бинтами, с заботливо уложенной под головой курткой. Хозяин куртки-маленький крепыш в тельняшке спал рядом, обняв длинную винтовку с большим оптическим прицелом. У стенки сидя спал здоровяк с пулеметом, на его коленях лежала голова еще одного, чья нога была обмотана какими-то тряпками, бывшими когда-то тельняшкой, эта нога удобно лежала на животе невысокого, худого парня, растянувшегося прямо на полу, рядом со здоровенной железкой ужасного калибра. Рядом с ними расположилась еще пара. Высокий, широкоплечий, чумазый воин с какой-то сумкой у пояса, бережно держал на руках голову другого воина, впопыхах обмотанную бинтами, и сидя спал раскачиваясь в такт машине. В углу сидел худой, долговязый парень в обгорелой куртке с намертво пристегнутым ранцем за спиной. Да ребята, досталось вам. Если бы вы знали, что там твориться! А впрочем, может и правильно. Дождались болезные. Все-таки «вертушка» – часть Родины. Так что спите парни. Мы свое сделаем-будьте уверены. Ваш звездный час еще впереди.

Глава 5

«ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ НИ ЧЕМУ НЕ УЧИТ»

РИЧАРД БАХ

Море! Море всегда прекрасно и обманчиво, как женщина. Оно может быть тихим, лазурным и ласковым, а может – черным и злым. Оно может убаюкивать тихим шелестом волн, а может больно ударить, убить, забрать в свои бездонные глубины. Но моряки любят его. Любят его изменчивость, его волны, его черную глубину, его необозримый горизонт, но еще они любят свой корабль, свой дом и свой берег, который всегда ждет их.

Ребята, сидевшие в маленьком кубрике на баке не были моряками, хотя и носили тельняшки. Они тоже любил море, но немножко не так. Гораздо больше они любили море с берега. Это им можно было простить, поскольку моряками они не были. И плыли на этом старом сухогрузе, имея четкое задание и цель, которое и подразумевало легкое морское путешествие на, отнюдь, не на самом изящном лайнере. Конечно и болтало здесь как в консервной банке. Вторые сутки такой болтанки и вот уже «здоровый» зеленый цвет лица и полное отсутствие аппетита, даже несколько наоборот. Если смотреть с палубы на волны-так вроде на такие уж и большие, поражала мощь, с которой эти небольшие волны раскачивали здоровенную посудину. С такими лучше дружить, а еще лучше смотреть на них по телевизору. Всегда можно выключить. Эти волны не выключались уже вторые сутки. От этого слегка покачивало и тошнило.

Команда, сидевшая и лежавшая в маленьком кубрике состояла из восьми человек. Это было все то же маленькое отделение специального назначения, и оно болталось в средиземном море не вдалеке от берега. Этот берег и был их целью. Необходимо было незаметно высадится, сделать все что нужно и так же, по возможности незаметно, скрыться. Готовились к этому рейду недолго, но основательно. В основном -альпинистская подготовка: крючья, карабины, веревки и прочее. Но, пожалуй, никто из восьмерки не мог бы сказать про себя, что он что-то понял. И теперь сделает это запросто. Горы-это сложно и интересно. Их нужно любить и понимать, так же как и море. И то, не всегда помогает. И море и горы всегда берут свою дань. Какой-бы опытный ты ни был- Горы и Море это слова с большой буквы. Что уж говорить об этой восьмерке? Их иерархия была в другом-они солдаты. А солдат должен уметь все. По крайней мере, так подразумевается.

Джон, возглавлявший эту команду, сильно сомневался, что им удастся влезть на эти не гостеприимные, отвесные скалы, видные в сильный морской бинокль. Скалы стояли непоколебимо уже сотни, а может тысячи лет, и будут стоять еще столько же. Какое им дело до этих мелких букашек, ползающих вверх-вниз.

Время -полдень. К вечеру – будем на месте. В сотый раз изучая карту, каждый думал о своем, но оно сводилось опять же к одному – какой черт его сюда занес. Задание должно быть выполнено любой ценой – последние, напутственные слова комбата – но вот как раз о цене и хотелось узнать поточнее. Прямо с моря влезть на отвесные скалы, взять неприступную крепость в виде старого и казалось бы заброшенного замка, изъять из последнего одного джентльмена и благополучно отбыть-плевое дело. Вот только как это сделать? Точнее как-это ясно. Какой ценой? На каждом шагу подстерегает его Величество случай. Лысый-связист так и не смог справиться со своей высотобоязнью, а если он рухнет со скалы со своей рацией? А если замок охраняется гораздо лучше, чем хотелось бы, и придется ввязаться в бой? Тогда на задании можно поставить крест, да и на своих жизнях, пожалуй, тоже. А если кроме обычных минных полей там стоят еще и наведенные, управляемые компьютером? С ними даже

Балаган – лучший в мире взрывник, он-же сапер -не справится. Да и никто не справится. А если...,а если...,а если..., – от всех этих если раскальвалась голова.

Каждый из команды был уникален и являлся специалистом, в своем роде. Боб- снайпер, не просто попадающий в цель, а попадающий туда, куда ему хотелось. Чека- пулеметчик – мог держать в воздухе пустую консервную банку из-под тушенки на всю длину ленты. Чук- гранатометчик – каких мало. Кир – стрелок от бога. Феникс вообще умел все. Конечно от всех этих «звезд» по одиночке было бы немного толку, но эти были – командой. Команда уже спаянная вместе пролитой кровью, порохом и войной. Для них война длилась четвертый год и это были профессионалы. Судьба часто бывала к ним суровой, но никогда не несправедливой. «Везет тому, кто сам везет». Везение достигалось умением, а умение – потом и кровью. Видимо поэтому ребята много не разговаривали, достаточно понимая друг друга и без слов. Даже словоохотливый Балаган притих, но как самый молодой из всех, на месте усидеть не мог. Болтался по всему кораблю, собирая все новости и сплетни, поглядывая на уже не далекий берег. Да, скоро им придется испытать всю мощь волн, бросая им вызов в маленькой резиновой лодке.

«Короче, мужики – подвел итог молчанию Джон – дело хреновое». На снимках с высоты самолетного полета подступы к замку видны не были. Была видна одна дорога, ведущая к воротам и ровная как стол окружающая местность, лишь поодаль – скалы. Ну и конечно сам замок. Большой, мрачный и неприступный, за толстенными стенами. Где находился нужный им джентельмен, знали лишь приблизительно, а как туда добраться, не знали вообще. Высадившись в десятке километров от вышеозначенного места, знали только направление и ничего о том, что ждет их по пути.

Однако, время неумолимо. Оно никого, никогда не ждет. Вечер. Стемнело. Солнце село полчаса назад. Маленькая резиновая лодка со всей командой и кучей железа на дне отправилась в путь под тихое, напутственное – удачи! Сидевшим в лодке, волны казались огромными, как девятый вал. Сухогруз ушел и его огни уже скрылись за волнами, берега не видно. Тучи брызг обрушивались на сидевших. Феникс сидел за мотором и его негромкое урчание давало маленькую отдушину уверенности всем. Чека, сидевший в носу с пулеметом и Боб у борта со своей СВД, готовились встретить любую пакость в виде патрульного катера или прожектора во всеоружии. Остальные вычерпывали невесть откуда берущуюся в лодке воду. То что она вокруг лодки – это понятно, но внутри!/? Это никуда не годится, так и ноги промочить недолго. А Кир, как нельзя кстати, заметил, что ему еще бабушка говорила ноги держать в тепле. И теперь он сидел в этой самой воде и вычерпывал ее кепкой за борт, а оттуда примерно столько же вливалось обратно. Бардак!

Добрались до берега без особых приключений. Приключением оказалось то, что берег представлял из себя высоченные скалы, еще более отвесные, чем казались издали. И самым неприятным было то, что об подножие этих скал с ревом и брызгами разбивались волны. Похоже их причал где то в другом месте. Удерживая лодку мотором в опасной близости белых брызг, Феникс ловко развернул ее вдоль берега, теперь волны били в борт и заливали ее с удвоенной силой, постепенно снося ее к линии прибоя. Все бросились вычерпывать воду чем попало, но что их силы против мощи, уверенно и сильно тянувших лодку к скалам. За грохотом волн ничего не было слышно. Если кто-то, что-то и орал, так только для себя, Оставалось метров 30 до скал, когда глазастый Боб в кромешной тьме и реве прибоя углядел разрыв в белой пелене брызг и пены. Что то громко крича он показывал рукой в сторону разрыва, Феникс понял его без слов. Возможно это их шанс. Уйти от берега уже не удастся – не хватит бензина и пристать не получится – разобьет. Резко вывернув руль, направил лодку на полном газу в разрыв, что то дико треснуло под днищем, полилась вода, но полоса прибоя уже позади. И вдруг все враз оказались в воде по пояс. Дно лодки, распалосованное о камни распалось, шипел воздух из порванных баллонов, захлебывался двигатель, пока совсем не заглох. Ну что же – прибыли. Похватили все свое барахло и побрели к берегу в 10 метрах дальше.

Интересно, как отнесутся все нужные железяки к соленой водичке. Больше всех переживал за свою оптику Боб и поносил Феникса последними словами, за умелую швартовку.

Осмотрелись. Они в крохотной лагуне метров 20 в диаметре, узкая полоска наносного песка отделяла все те же отвесные скалы от воды. Но это уже суша. Почти 2 часа ныряли за своими вещичками, коих оказалось до неприличия много. Как же их нести? Ведь это, наверно, тяжело и утомительно. Утром, так и не согревшись и пожевав концентратов из сухого пайка, попытались влезть на скалу. С первой попытки не получилось. Благо, что Джон, идущий первым, рухнул в воду, успев в последний момент оттолкнуться от скалы в 15 метрах от подножья. Не получилось со второй и с третьей. Уходило время, уходили силы. Если их кто-нибудь застукает в этой мышеловке, наверно здорово повеселится. Наконец уяснилось, что у Чука здорово получается вбивать костыли, но идти первым он не мог, поскольку все время срывался, поэтому его поддерживал Чека, остальные – снизу. Не полез вверх вообще Лысый, объясняя это особой ценностью своей персоны и тонкостью аппаратуры за плечами. Ему обещали сбросить сверху веревку, если будет себя хорошо вести и сбегает за пивом, пока остальные трудятся в поте лица. В противном случае-гарантий никаких.

Преодолели половину подъема, дальше пошла расщелина, которую снизу не было видно. А это уже немного проще, хотя и не совсем. Нужна сноровка, а ее то как раз и не хватало. Наконец выбрались. Потратив полдня на преодоление 40 метров. Феникс, отдышавшись, изрек глубокомысленную речь- «если на каждые полсотни метров будет уходить по полдня, то они останутся здесь до пенсии -наберут же слабаков!». Что и говорить – к месту и вовремя. По роже ему никто не дал- лень было шевелиться. Однако, расслаивать некогда, нужно быстро уходить от места высадки. Плоскогорье ровное как стол, изредка пересекаемое расщелинами. Лишь вдалеке виднелся легкий лесок в виде редких кустов и опять таки проклятые скалы. Все. Перекур окончен – вперед.

Отряд цепочкой быстро уходил от берега к тем самым скалам и редким кустам. Ближе к вечеру, окончательно выбившись из сил от бесконечных перепрыгиваний и влезаний, остановились в узком промежутке между скалами, на небольшой площадке метров 10 на 10, окруженной отвесными стенами. Те, немногие, что отдыхали у легкого костерка, ловили момент удачи. То-есть пытались расслабиться и уснуть, что бы позже сменить тех, кто сейчас бережет их хрупкий сон. Сон был действительно хрупок. Джон сквозь полудрему вдруг почувствовал какую-то тревогу. Как то все тихо и спокойно. Слишком тихо и слишком спокойно. Еще не успев додумать свою мысль, вскочил на ноги и беззвучно поднял всех. Уходим! Быстро и бесшумно! Если его кто-то спросил бы – зачем? Какого черта срываться куда то в темноту? Когда здесь совсем не плохо – он бы не ответил. Но его никто не спросил. Ему верили. Верили в его почти звериное чутье, интуицию. До этого оно никогда не подводило его.

Уходили вдоль скал, прячась в их сумрачной тени. Метров через 100, не успев свернуть за поворот, услышали мягкое топанье и чуть слышное бряцанье оружия. Кто то бежал на встречу. Бежал не один человек – как минимум 20. И то же стараясь не шуметь. Однако, 8 шумят меньше 20, тем более этих восьмерых тут не ждали. Балаган успел крикнуть: «Ложись! Закрой глаза!», метнув две блестящие штучки за поворот. Даже сквозь руки, закрывающие лицо, Джон почувствовал глазами жар яркого света. Две ослепительно яркие, жаркие и совершенно беззвучные вспышки пенно-белого света вспыхнули в темноте. Для тех кто их видел – это было последнее, что они видели- они ослепли, те кто был ближе к огню – сгорели, даже не сообразив что случилось. Температура пламени 3000 градусов. Когда Чека вылетел за уступ, готовый полить всех свинцом – воевать было не с кем. Феникс с удивлением на Балагана – что это было? – не знаю точно в первый раз попробовал, неплохо получилось. А теперь пора смаковать, такие яркие вспышки видны за десятки километров. Не хотелось бы снова отвечать на эти дурацкие вопросы». Все верно. Пора. Чутье Джона опять не подвело. И дай бог что бы так было и дальше. Есть еще вопросы поинтереснее, например откуда эта орава прознала о их

присутствии на этом негостеприимном берегу. Или они просто так погулять вышли? Тогда зачем таскать с собой такую кучу железа? На эти вопросы ответа пока нет. Но предчувствия, что ответы будут самые, что ни на есть гадкие уже посетили «светлые» головы.

Бежали долго, до хрипоты, до свиста в горле. Наконец, шатаясь, попадали на песок. Цель всей этой экскурсии уже видна в оптический прицел Боба. Пешочком, к утру нужно быть на месте, что бы день провести по возможности спокойнее, заранее замаскировавшись. А заодно разведать систему охраны: патрули, дозоры, часовые и прочее. Тем более, что задача кажется не из простых. «Бодрой» рысью направились к замку. Шли, придерживаясь кромки берега, как будто море может их защитить. До утра, то есть до того момента как посветлеет небо на востоке, оставалось совсем немного. Как только покажется солнце, они будут видны на этом плато как «вошь на лысине». Забившись в расщелину, медленно поднялись на вершину скалы. Точнее не на самую вершину, а на маленькую ровную площадку в 15 метрах ниже, под козырьком уступа. Лучшей маскировки в этих песках и камнях не придумать, если конечно ты не ящерица и не тушканчик.

Вид с площадки открывался отличный. Яркое солнце, голубое небо, ласковое море, далекий горизонт, чистый воздух, и если бы не большое, мрачное, угрюмое строение, загораживающее половину этого пейзажа, можно было подумать, что все просто очень хорошо. Замок стоял монументально и непоколебимо. Необъяснимо, все почувствовали легкий холодок, ужом проскользнувший по спине, какую то чарующую, завораживающую и отталкивающую красоту. Ка в детстве: страшно но интересно. Похоже, он стоял тут не одно столетие и простоит еще столько же. Он живет своей жизнью и ему нет дела до этих людишек, бегающих по его стенам и переходам, по огромным залам и узким казематам. Его толстые серые стены кое-где покрыты мхом. Они выдержали уже не одну осаду и его узкие бойницы видели многое. Стены, окружавшие замок в виде пятиугольника, возвышались метров на 25, плюс к тому, что все строение стояло на отдельной скале высотой метров 80, да еще с отрицательным уклоном. Влезть на эту стену нет никаких шансов даже в очень спокойной обстановке. И наверно, непросто для профессиональных скалолазов. Что говорить о собравшихся на маленьком пятачке ребятах?

Боб невозмутимо подсчитывал количество охранников через свою оптику, пока, наконец, не сбился. Похоже здесь не меньше полка, а может и больше. Единственная дорога в замок контролируется, забраться на стену не удастся. Нужно искать дорогу. Так думал Джон, разглядывая эту махину в шестикратный бинокль. Никаких умных мыслей в голову не лезло. В нее вообще ничего не лезло. После сеанса связи, изложив все подробно, услышал в ответ весьма не лестные выражения по поводу всех присутствующих. И на вопрос о путях отхода, в случае непредвиденных обстоятельств, ничего вразумительного не услышал – сначала задание. Рассказал все ребятам. Задумались все и надолго. Подумать было о чем. О неприступности данной цитадели для 8 человек было понятно даже дилетанту. Не то чтобы она неприступна вообще, это вопрос времени, людей и технического оснащения. Но что теперь делать этим ребятам? Попытаться выполнить то, для чего их послали и с честью сложить головы, или все-таки поработать этими самыми головами, прежде чем сложить их, и найти выход. Как сделать, чтобы волки были сыты и овцы целы? В данном случае овцы это те самые головы и есть. Через полчаса Кир, смачно плюнув, складно выразил мысль о том, что он довольно близко знал матерей всех командиров, вплоть до самого главного и вообще всю их родню до пятого колена. Легче от этого не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.